

18+

Артемий Ладознь

ДЫМКА.
⊗ Nebh

*Об он пол
чресплесе
восчресплесь*

Артемий Ладознь
Дымка. *Nebh. Об он пол
чресплесе восчресплесь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=59969806

ISBN 9785005148575

Аннотация

«По ту сторону пестроты пестрот пролегает дымка...»
Центральная тема данного опуса венчает Троекнижье. Недосказанное последним исчерпывается их совокупностью, простой полнотой, так что более нет нужды исчерпывать пеструю пустоту альтернативных изложений на злобу дня и века. А связь предложенных, изначально совершенно независимых представлений единого, оставляется к рассмотрению пытливого исследователя.

Содержание

От автора	5
ПРЕДДЫМЬЕ. ForeDim beyond MagPiety	12
Un-Hallow E'en. Suidoma in situ	12
Вместо пролога. ForeLife. UrSterben	25
Средства от ригидности времени, или Атавизмы будущего. Благомразь, сиречь Евкакия	69
Шатан как Интернат-УнтерНет	80
Астанинские стихи	89
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Дымка. *Nebh Об он пол чресплесе восчресплесь

Артемий Ладознь

© Артемий Ладознь, 2020

ISBN 978-5-0051-4857-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
ДЫМКА. *Nebh. Об он пол чресплесе восчресплесь

*Памяти Ирины Бережной, Олеся Бузины, Бромберга,
Стругацких.*

*Чадам Юговостока сокровенного, всем оставшимся
собою изначальными.*

*Детям Донбасса, детям Сири, детям Беслана,
детьми «Зимней вишни». Детям.*

Ей – и многим в Ней, всему исконному о Ней.

*Тем, кто, не увидев Нового года, узрят –
Грядущий, наш...*

От автора

Одного ли Вашего покорного посещает легкий ужас от становящейся все более невыносимой облегченности бытия, содействующей оное весьма бранным? Простые вещи отчего-то достигаются невероятной ценой. Чтоб объяснить аморфно-теплохладному сознанию разницу меж добром и злом, напомнить радость дружбы и скорбь смешивания души с мраком, потребуется написать толстенный фолиант, который, скорее всего, обречен редким мудрецом остаться понятым. Ведь теперь куда понятнее, ближе дебелому сердцу соревнование ценностных клубов, их состязательно-неспортивная правда, безнаказанность нарушения и злорадство – зря бессилие оппонентов, как и просто наблюдателей, пояснить: в чем неказистость уродства ввиду невмещения оного в формальные определения фола?

Однако, – возразят самоизбранные мира сего, – не провокатор ли ты, братец? Или, хуже того, не простец ли из низшей расы «маглов», холодное презрение к коим есть венец добродетели. Нам ли не знать, что есть «добро», или – о чем полагаема «правь»: последняя – в наших клубных ценностях, которые в самом членстве и состоят; первое же – в мере соответствия, поддержки, служения нам да клубу. Отказавшийся, отступивший – глуп, и сам на себя навлекает всяческие кары. Вот такая изящная парадигма рекур-

рентной самодостаточности, стройная аксиоматика, опровергнуть которую тебе, разумеется, не удастся. Ибо ты низший. Или же – из высших, если присоединишься и перестанешь артачиться. Мы-де умеем дружить: ведь дружба – столь же экономно-прагматично, парсимонно – определяется поддержкой себе подобных, исповеданьем мнимостей, готовностью всячески противодействовать всем противящимся...

Этак недалек тот день, когда старомодность сочтется равно общественно-опасной – как в случае манкирования пластикой лица либо знакомствами исключительно в сети («в нарушение общепринятых норм и соображений нравственного комфорта общежития»), так и – небрежения покупкой хлеба (если еще не окажется под запретом) ценой нажима сотни клавиш и одобрения тысячи опций, причем с получением от таковых делиберационных издержек полного удовольствия. Опять-таки, в духе соответствия стандартам и чаяньям прогрессивного уклада.

Попутно, продление жизни (или ожиданий сытости и праздности либо креативной малозначительности при рождении) на несколько десятилетий станет куда проще осуществить, нежели создать потенциал потребностей (более не активируемых даже вверх по Маслоу), обрести смысл дальнейшего (изначального!) существования – ровно того, чего бегали на протяжении всей предшествовавшей жизни, истории, эволюции. Которая – опять же, если верить

упрощенным, прагматично стилизованным отчетам – давно упразднила актуальность как ума ищущего, так и души чувствующей. Их радостей и скорбей. А главное – их *союзов и связей*, если только речь не идет о ситуативных коалициях, наполнение коих (собою) стала едва ли не зрелищем зрелищ, заменив либо обобщив спортивные состязания, достижения и – о да! — *искания*...

Кажется, нечто подобное уже имело место где-то у Бредбери: в исступлении прогрессивном общество приходит к видению корня зла в самой рефлексии, прагматично низводя ложь даже не к эксцессам ея, а к самому допущению, полаганию свободы и жизни в мыслечувствовании. Словно пародируя Екклезиаста, глумясь над Лаоцзы. Но и сия правда обветшала: столь ли необходимо спасение книг, утративших достаточность, будучи упраздненными книгами новыми, пусть и немногими, успевшими умножить зло сингулярной поляризации собственным присутствием? Физкультурой ли лечебной, массажем ли совести восстановится духовный и душевный ампутант, и презумпцией ли авторитета священных Писаний обратятся содомлянин, пустовер?..

Разумеется, коснется прекрасное прежде и скорее всего «лучшей» части человечества, тогда как «низшие» продолжают коснеть о «пошлоискательстве». Таковой неблагонадежностью представляя угрозу устоявшемуся консенсусу. Тем самым, ставя под вопрос себя, ответы свои, вопросы...

С другой стороны, много ли правды в попытке написать книгу новую, но с заранее известными выводами? Пусть и не столь сие погрешает перед истиной, в коей свобода, в сравнении со случаями выводов заранее заготовленных, постулируемых исключительно сверху, извне, свысока, так что никакая попытка постмодерновой освободительности, низвергающей святыни и теории, не будет вполне свободна от критики, тая в себе потенциал самониспровержения. Пусть, опять же, не вполне сводятся оные случаи к чистой фикции, произвольному конструированию; а все ж подлаживание вводных данных под выводы неизменно отдают эквивалентом сего.

Не в том ли начало зла и лжи, впускаемых фикциями из ранее намекаемого, что – искони лживы, даже когда избыточно фактажны, испещрены деталями клубных практик (культов, ритуалов вообще), и потому неизменно навязывают клубок ценностей столь же тираничных, сколь иначе не обоснуемых?

Настоящая книга, имея лишь смутный начальный образ бегомого, бесстрашно и нелицеприятно выходит на поиск *неизвестного-о-неискомом*.

Всегда подозревал – и даже, к ужасу своему, почти не допускал противного, – что существует некий особый, отдельный *ад для склонных к профанированию бытия*. Собственно, во многом – для писательской профессии; души как природы, согрешающей отнюдь не невольным уклонением от ис-

тины, но скорее тщательнее конструировать пути, и судьбы, и суды, на которые уповают в дальнейшем читатели; а будучи посрамлены в чаяньях (не своих, но усвоенных), ропщут на Того, Кто невинен.

Едва ли мыслимо испаскудить, оглупить и охудить текст паче, нежели испещрив его умными словами, даже в эпоху миметичной мемдемии. Но верно и то, что трудно, почти невозможно лгать, напряженно *вглядываясь в дымку*. Если только вы не Цезарь, мозг запретит вам равно преуспеть на всех этапах мультизадачности. Зато проникать неизреченное удобно, отвлекая блоки сознания чем угодно, но не послушеством на правду. Вопросы в книге этой честны, ибо равны – к себе и другим, своим и чужим, друзьям и врагам, посвященным и внешним.

Вовсе не в упреждение тяжб видоизменяет она наименования реальных и «видных», но и без того ненастоящих людей, сохраняя лишь подлинных, вынужденно прибегая и к тону *in modo disputandum*, не претить коему хватало совести даже у цензоров инквизиций. Впрочем, единственная хитринка: сказано не все; это лишь начало, даже когда речь о дальнейших следствиях. Иногда, даже плохо усвоив *азбуку*, приходится погрязнуть в реалиях *грамматики*, а то и во все – *внеправильности*. Ребенок, вступая в жизнь, сталкивается с этим с первых же шагов или звуков...

Считайте это моей скромной лептой в дело мира на [широком] *Юговостоке*, берущего начало в головах и сердцах

мира остального, иначе рискующего развиться до [эквивалента] *Северозапада*. Миссия отнюдь не перевыполнима в смысле воцарения царя в голове или Царства небесного в душе. «Весьма скромный вклад», – съязвят одни. «Зачем нам слушать лоха, не сподобившегося даже самораскрутиться?» – хмыкнут другие. Уж не обессудьте: вам решать. (Это – ко всем остальным.) Не оставляю за собой права оставлять дитя на сохранение в данном случае, ни также на реанимационные меры: живо – значит, будет жить своей жизнью; а какой именно и как, жизнь покажет.

Но внимательный читатель заметит, что все персонажи, темы неразрывны и где-то *тождественны*. Причем то же относится к их связи с автором и аудиторией. Тем самым реализуется неклассический идеал свержения самовластия авторского. Впрочем, менее вдумчивые ученые, мнящие науку и Божье бытие несовместимыми, склонны поспешно заключить едва ли не отсутствие Автора из одного факта способности прочесть книгу природы и даже кое-что понять. (Могли бы сократить усилия, из самого существования науки выведя невозможность Бога – как заключают свое творческое всеисилие, а отнюдь не бессилие, из самой возможности невозбранного заимствования кирпичиков природы, словно в рамках магического непостижения механизмов и даже отрицания вопроса «почему»). Но не стоит забываться: отказываясь от обладания и авторской тирании, не отрицаю, а утверждаю свое существование и подлинность. Как имен-

но – чтяй да уразумеет.

Чего и всем желаю – и малым (геополитическим игрокам), и великим (душам людей, личностям; в предложенном ранге оговорки нет): *быть*. То бишь, быть *собой*. Располагать собой – а значит, не располагать и не быть располагаемым другими. Хищник в конце концов пожрет себя, пусть и косвенно.

И, пожалуй, последнее. Стандартные понятия, если и применяются, то исключительно в целях вынужденной редукции, сродни метафорам. То же касается известных систем: если где-то Вам почудились стимфанк, да-тун или сяо-кан, не верьте глазам своим.

Итак, *по ту сторону пестроты пестрот пролегает дымка...*

ПРЕДДЫМЬЕ. ForeDim beyond MagPiety

Un-Hallow E'en. Suidoma in situ

Это должно было стать точкой, но будет отправным пунктом. Свидетелем сего действия автор стал, когда почти закончил свое живое повествование. Но поскольку оно пребывает в произвольном и малоконтролируемом развитии, то не побрезгуем простой бытовушной правдой. Поравнявшись с компанией патриотов позднеосенним деньком, с благодарностью увидел, как их легкое хамство – попытка прошмыгнуть вперед – оказала им обезьянью услугу, а их попутчика (вашего покорного) защитила от лужи, увлекаемой автомобилем такого же хама, рассекавшего бездорожье аккуратно по выбоинам с грязной водой. Будучи обгажены с ног до головы, герои, еще недавно небезуспешно прятавшиеся от взрывной волны, перешли на энергичное воскрешение в памяти табуированного дополнения к словарю Ожегова. Придя же в себя, возопили не что иное, как...«Слава нации! Смерть врагам!» Так незадачливое гопотствующе-интеллигентствующее тусе местного россыпу, едва воспрянув от ступора и будучи явно непривыкши к борзоте ответ-

ной, – так вот, оная группировка neo-fits (новокачков-бройлеров), не вылазящих из спортзала только для того, чтоб не лезть в последствия своего же подзуживания (включая и гибридные войны, называемые одновременно «гуманитарными миссиями» и «освобождением заложников» из числа своих же «миссионеров»); опять же, сие честное панство осуществило мощный выброс героизма в виде междометий, вполне для них сакральных, чтоб требовалось скорое повторение или довершение столь чувственного действия, как занятие патриотизмом в не отведенных для этого местах (то бишь, вне ими же спровоцированных холиваров с инакодышащими). «Яки бандиты? Герои!»

«Как вы объясните запись с вашим участием, где вы как депутат называете конкретные суммы как цену, соответственно, депутатского запыта и подання?» – «Як? Мене спровокували!» Итак, покушение на получение взятки в состоянии аффекта? Вспоминается лекция Оззлунда в Немаггланке еще в 2000м, где он на голубом глазу предложил борьбу с коррупцией отдать... на откуп вороватым патриотам. Зачем? Во-первых, они «на всю голову» патриоты, не любящие *coceda*. А главное – помнят ручки-то! Значит, инсайдерские таланты пригодятся для контроля себе подобных.

Но это промежуточные итоги. Начиналось же все куда как «эпично».

«Это было как секс!» – так говорили или безотчетно ощущали многие «перевдохновившиеся» (используя говорящие

оговорки рекламного хайпа) в те дни, когда элитные фасады старого фонда центральных жилых и офисных помещений были уже основательно закопчены, а местами и выгорели, тем озадачив риелторов, подвигнув к безвременной смене, вневременной взаимоинверсии vacancy & rental rates. Свезенные на лобное место и давно тлевшие, шины создавали то зарево, в котором дьявольские рожи респираторов и противогазов приобретали «сюрость», роняющую тень сомнения на то, что есть ад, а что – рай. Различие было тем более размытым, чем стройнее прорезывался хор коллективного бессознательного улицей Прорезной: «Это как секс!»

– Вы видели, что с Трещатиком случилось? Ужас! Я раньше на работу той дорогой напрямик всегда ходила, и даже на ту первую Площадь люди вынужденно попадали по пути. А сейчас...

– А сейчас только чище стало! А будет еще лучше без таких вот провокаторов...

– Ну, да, ведь патриоты все урвут за бугор, чтоб оттуда, как водится, без усталости «мешать москалям выстраивать нацию»? В позы? Удивительно: как в ваших головах уживаются польско-румынско-австро-венгерские батоги и воля как притяжение ко кнуту более сильному?

– Тебе не понять: вам варяги в свое время крепостное право ввели вместе со всеми иерархиями, вот вам клетка волей и кажется. Тиуны-теганы, кметы, князья-кенунги – думаешь, это наше все, родное?

– «Вам»? Че, протошумероарийцы, империя не нравится? Может, вместе с Лениным и здания польские в Лемберге подрубите? «Все чище станет»... А ведь мы все под тем Лениным свиданья назначали... Вам, заезжим, не понять. Или лучше: вам *это дело* везде удобно...

Такие бытовые перегавкивания ничем хорошим не грозили закончиться. Видно было, что романтическая безответственность одних и раденье о судьбах после похмелья рождались не в одних и тех же головах. На свете редко бывает иначе, разве что в черепной коробке редкой хваткости вроде того же Батеньки. А в сущности – что исключительного виднелось на расстоянии, оглядываясь на ту эпоху? «Отмѣннѣйшія души челоувѣкъ, масонь...» – так принято было рекомендовать в среде дореволюционной и возледекабристской интеллигенции. Праздные господа, чье бесстрашие во многом было исполнено вселенской скуки, отлаженными колеями госслужбы, на которой никакие усилия никуда не веля? От нечего делать начитавшись новомодных книжат (здесь на австрийский генштаб списать получится далеко не все: пустот творенью довлеет пустоты) и вынеся из оных превратно-тенденциозные выводы («Дарвинъ правъ, природа неизъяяснимо детерминирована, эволюція неисслѣдимо запасливо-промыслительна; ergo Авторъ – упраздни-мъ»; «Дарвинъ правъ, выживають приспособленнѣйшія; стало быть, смыслъ – въ борьбѣ»; «Гегель с Марксомъ правы: ничто не вѣчно, – откуда не помѣшаеть нашему Отечеству

самая малость самоотрицания...»), масонистые деятели клепали революционные манифесты, прибегая к наиболее эффективным (не сказать – креативно-деструктивным) средствам вроде терроризма; и все с тем лишь, чтоб, ускакав вскоре за кордон, сетовать на не менее расторопных сореволюционеров и общую, коллективную безответственность: «Ахь, гда! Какую стьяну пьясьяли, не съпа?»

А много ль просрамши-то? На фоне святости Серафима Саровского – многое ли оставалось, когда и отсутствие разводов, и самый институт брака во многом держались на «священных» (одновременно с крепостничеством крепчавших-освящаемых) правах собственности. В Европе имущественные отношения были и остаются святы, таким мерилом и *numeraire*, хоть ныне уж непросто разделить субстраты легатскости и реформатскости, а в оных – примат латвийских и норских архетипов. Но могли ли устоять: страна, дом, душа, – в коих любовь и отношения в семье не были первичны? Могло ли не развиваться в иное (так ли, в самом деле, *иное?*), где аборты стали в порядке вещей? А от шаткости семьи – может ли не развиваться шаткость Земли? А кибернетической стабильности целого мира – способствует ли выбор женщинами не умных в качестве партнеров – отцов их детей, но агрессивно-удачливых, торгоценов? Не в таком ли мягком вырождении – торжество «мягкой силы» мамоньей, когда безумие и слабоумие становятся... *выгодным* стандартом, залогом-признаком эволюционной доминантности?

Вместе с тем, наши-то революционеры – даже отъявленные авантюристы вроде Бакунина (прикрывшегося Кропоткиным, как всякая яркая и склонная к разрушению ввиду творческой стерильности поверхностность – гением), Троцкого и Парвуса (постигших силу невзыскательности пресыщенной аудитории из праздношатающегося класса), пожалуй, и Махно (напротив, взявшего «батюку» под крыло) и, тем паче, Ленина (также не покусившегося на отцеубийство) – на голову, а то и две повыше будут иных северозападных. Но в том-то и трагедия недеятельно-неравнодушных людей Страны, что – либо спивались, не найдя себя и тем самым уступив невольно место нерефлексивно-хищным, либо иначе исподволь служа злу. В том числе и самим фактом схождения с поприща, вынужденным дезертирством, прекраснодушием и смиренничаньем пред серостью (призывающей поругать Божье и воспеть уродливое), которая ничтоже сумняшеся провозглашает себя цветом, будучи в лучшем случае крапчатой мазней, возней полуробеспьеров, лжедантонов и недомаратов (hemi-semi-demi, словно заклинанье...). Горе от ума, но только на фоне воцарения недоуми, мнительно-мстительной. В мире, где – сколь любимы умные, столь многоненавистны глубокомыслящие. Даже имея природу, в корне отличную от благомрази, худоводимое прекраснодушие, тем не менее, сослужит последней.

Всякие отношения удобоуподобляемы *торгу*: выбирают либо богатых, либо сильных, либо привлекательных, либо

власть и популярность имущих. Но коли браку по расчету – быть, да будет по радению о судьбах мира. Ау, голубушки! Спаривайтесь с умными либо подлинными, а не с приспособленцами: не подводите мир к досрочной усушке-утруске...

«Это было *как секс*». Пусть так; но чего тогда увлекать в свою вакханалию недостаточно «возбужденных», подтрунивая над их якобы низким темпераментом, гормональным фоном, незатейливостью предпочтений? Снасильничамши, дивитесь «неблагодарности»?

Это было, в самом деле, сквернобращьем! Помнится, немаггянские девчата улыбались в ответ на слухи о том, что иностранцы съезжаются на первую Площадь в рамках секс-туризма: «Ну, и что? Это же классно!» Так-то оно, может, и так, только зачем в этаким модусе дружбы народов видеть непременно произливание благодати?

Этот свал порою и за деньги бывал (и речь сейчас не об энтузиастках), так как на всех Площадах *приплачивали* – за организацию-массовку-явку, поденно-почасово, и это помимо пожертвований. Но, разумеется, это не главное и даже не второстепенное: это было соитие. Возбуждение всех, некогда пластелиномозгих, враз ощутивших в едином порыве вкус принадлежности к чему-то столь эстетичному, чего не в силах охватить и передать эротический триллер геополитического окраса. Но, коли так, зачем приплетать любовь к матери-Родине?

Эта оргия была и религией – во многом, пожалуй, и свя-

щенной проституцией. Даже те, кто ничего с этого не имел (презираемые еще Гессе мещанолохотствующие со скидроу Бруклина, Воздухофлотского проспекта или Чертанова), с коими никто не поделится и которых ни о чем не спросят, даже они готовы жертвовать (ресурсами, детьми, временем, будущим) ради победы престижного клуба – отдаются сильному господину. Эти ролевые игры – лишь часть ритуальности, к коей ныне свернулись все мировые отношения, взаимодействия внутри стран и общин.

Впрочем, довольно скоро, к концу февраля этой левефровой, право-либеральной второреволюции (призывом к переменам ради перемен), тотчас почти стало ясно, что это не секс и даже не «как бы» секс, так что не спасут и пресловутые постмодерновые перемигивания, когда ты-то в канве дискурса не понарошку. И когда /прот- и ант-/агонистов норовят смешать в статусах, не меняя ролей. Это походило на приглашение от маньяка, которое, понятно, чем имело закончиться. Отнюдь не (давнопривычным отдельным силам) политпромискуитетом, даже не актом чадозачатия атрау (еще одно достижение передовой науки в рамках опослечеловечивания вида), а банальным насилием над геномом.

Именно поэтому трогательная инициатива Леополиса по проведению дня одного Юговосточного языка (тем более правдоподобная, чем естественнее был возврат к истокам общей письменности и печати) бессильна была что-либо из-

менить. Ведь всем памятно были совсем иные «поезда дружбы», потянувшиеся с Площади к Юговостоку, бесноватый рев шантажистов с Площади, загадочное молчание и джокондины (*jocunda*: лат. игривая, шалая) улыбки со стороны Континента Просветителей. Вот Юговосток и переосмыслил чуждые планы на лефеврианство в отношении к своему генному, общим (как оказывается!) гаплогруппам, будущности вида *h.Sapiens*. Предупреждения от Тщесл и сФейксексов касательно опасностей искусственности могут столь же непринужденно смениться на активизм в части прав киборгов и роли замененки вообще. Итак, горшей же и куда более предсказуемой отповедью была отчлененка духовная во избежание расчлененки многообразной...

Иудейская исключительность редко когда простиралась далее ретрансляции – простого несения знамени и завета жизни народам, погруженным во тьму сожженной совести. Закон любви изначально был начертан в сердцах всех народов, так что не было ни избранных, ни повинных погибели (что бы там ни вешали о предопределении адепты Ковена-Цвингли). С недавних пор, спустя несколько столетий после небезызвестных событий, легших в основание новой эры и веры, совсем уж диких язычников видимо не осталось, – как не обреталось паки повода к ветхому возношению. Но это только с виду обезьяна с прогрессом развилась до человека разумного. Тот же прогресс в новейшее время

воскресил затаившегося примата, в коем ожило самое дикое язычество – тем паче необузданное, что вооружилось рудиментами авансированной, переходной (как оказалось) святости. Все божественные имена схлопнулись до пары-тройки междометий. Говори «свобода» – и твори якоже волиши. Вопи: «велик!» – и тахдырь-де ближнего своего. Надмевайся запасами нефти (будто бы вверенной верным) – и ищи отво-евать запасы у альтернативной секты, словно журия провидение во исправление неточности первоадела.

Иудеи давно поняли, что исполнить все 613 пунктов совершенно необходимо, ввиду возможности рождения Мессии в праведном семействе. Людеро-ковенито-цвинглиеры пошли далее, уверовав в априорную спасенность, упраздняющую не только покаяние, но и необходимость воздержаться от хищнических шагов против всех, кто на пути их света, а не только против альтернативных сект. Зачем Мессия *личный* мнящим себя *коллективным* мессией?

Далее всех пошли омороненные: зачем Мессия тем, кто питает надежду стать... богом, да притом многим ли ниже Отца – ввиду заявленной рекурсивности духовной эволюции?

Но всего страшнее то, что вся эта явная навь творится неявной (неудобоизобличимой даже светом мудрости, судом совести), по причине неотменяемости плодов. Ибо, коли древо познается по плодам (трудноигнорируемым), то – есть ли разница: нацистом ли Тайхмюллером открыты ран-

ние теоремы квазиконформности, полуатеистом ли буддийского толка Лысым заподозрена политоппность мироздания, хищными ли инквизиторами обеспечен инженерный прогресс? Как альтернатива невольному приятию мытарей (даже без покаяния) может стать фарисейски-старческая поза анекдотического Сальери, в мниможертвенном девстве мало чем сравнившегося с более одаренным якобы-повесой. Не утратившим *детства?*..

Ежели припомнить, то еще накануне Площади, прежде обращения нижеследующего в сакраменталь и тривиаль, нижеимеющий именоваться Гвидовым заметил: Юговостоку ныне уготована судьба евреев нью эйдж. Чтоб хотя бы выжить и остаться собой, придется быть на голову выше и туземнее туземцев (по Достоевскому, «съ древнимъ грекомъ я древній грекъ, и тѣмъ всенаиболѣе русскій»). Новоизбранный, и потому гонимый, народ – как некогда обрушил собственную бытность правдоподобно-парадоксальной правоприменительной формулой против Бейлиса («могъ совершить, стало быть, совершилъ, виновень!») на фоне оправдания душегубов, так обратил ее на себя со стороны Запада, – который то же проделывает с собой, наследуя благонамеренному сползанию в ад трагифарсовости. (Оно, надо заметить, и поныне так пуще прежнего: подобно тому, как новые секты умудряются принимать двадцать пятое толкование как основное, этак и суды норовят довольствоваться наи-

более абсурдным и глумливым истолкованием буквы, являя собственное извращение духа).

Взять хотя бы творческую миграцию Савленского. Предав фэсбешную цитадель агни-йоге, удостоился садху-подношений; роллаут же подобного перформанса с инсталляцией на Крайнезапад, на символ их эгалите (а именно, ростовщическую контору), едва не пожал сентенцию длиною в *ars-longa*. Опасно прозрение на пути в Давос: прослав, подобно условно-зачищенному Brezh/on/sky, двойным агентом (или просто душой мыслящей целое или, не приведи, с потенциалом цело-мудрия), рискуешь разделить судьбину на чужбине.

Ведь не в ill-defined property rights, не в волатильности цен real estate нынче дело – в сугубосохранности, сверхмарже пустого, условного, виртуального. И возрастание доходности beatcains (о пирамидальности коих он догадывался столь же рано, как и о «демократических» корнях Дейш/Teut/Tot-радикализма) – лишь образ, метафора неумного, злокачественного роста ренты глупости, на фоне которого блекнет доходность малопонятных деривативов для исчезающе малого числа счастливицков. В том ли дело, что некто вздумал «включить дурака», возомнив, что никто более не покуется на сию прерогативу (та же ошибка, что и с ядерным сдерживанием помимо «беспредела смотрящих»)? Или – что *многие*, предсказуемо, «ломанулись включать дурака», так что спираль эскалации карнавала ведет к крайнему средству

от глупости: гильотине.

А что же – новоизбранный народ, поспешивший спасти мир от сползания к повторению трагедии Израильского царства, потерпевшего от неправедных судей? Слишком ли рано нарушил джентльменские принципы приличия как условия пакта о ненападении (озвучил общеизвестное, назвав шулера шулером – и это в доме, где, парафразируя из PulpFic, никто, кроме шулера-из-шулеров, никого не смеет обманывать)? Поспешил, хуже того, уверить одного смотрящего, «поседшего по беспределу» и винящему в том других, что готов не только иск отозвать, но и заявление забрать, – тем самым рьяно поддержав ветхие понятия. То ли шварцевский Ланцелот, то ли – быковский охотник.

Магистры демократии призывают подсудных не забываться, равняясь с надзаконными презумпцией равночестия. Тем – токмо в радость!..

Вместо пролога. ForeLife. UrSterben

Ад имеет своих патриотов. Все начиналось с вялотекущих пересказов мифов и апокрифов, всех этих переплетений козаччины-казачества и прашумеротрипольского эпоса, егоже всяк (включая и Нацакадемию наук в лице отдельных членов) волен был множить безудержно-невозбранно ввиду отсутствия письменных свидетельств антеделувиального генезиса. Это не просто подымало тонус (все больше – посредством нагнетаемой ненависти ко всякому скепсису и критике), но – в отличие от америнд-индигенных культур и культов, в коих ткань «сторителлинга» составляет самое жизнь (столь же неотделимую от мира духовного, как в семитских традициях, или от закона юридического – как в нарративах ведических) – составляло причудливую структуру-амальгаму *пустотьм*, из коей суждено было материализоваться сценариям светлого индоевропейского будущего. Как водится у безресурсно-притязательной серости, было принято меряться славой предков, с одновременными сеансами спиритического растаскивания наследия или принадлежности по этнонациональным гадюшникам. Злые языки могли бы возразить: дескать, не странно ли, что природа эвон насколько отдохнула на потомках – носителях столь предположительно блистательной родословной. На что радикалы – впрочем, периодически выпадающие из моды синхрон-

но внутри- и геополитическим циклам – всегда имели в за-
гашнике ДНК-шантаж в виде тестов на гено- и фенотипи-
ческую аутохтонность злопыхателей, коей имели обыкнове-
ние трясти перед аудиторией подобно пресловутой пробирке
Фауэлла. И если последнему, купно с CEO Run-On, по ма-
новению палочки позволительно стало ссылаться на некомпетентность вразрез с занимаемой должностью – сей подвиг изворотливости будет воспроизведен высшим руководством нацспеуры, уходящей от ответственности на фоне обвинения всех недовольных бабушек и голодных внучков в ношении грушных погон-эполетов, – то нам с Вами, въедливый слушатель GeoPol for Circuit Wooers 101, предстоит еще убедиться, сколь хрупки основания для негодования всех несогласных с хрупкостью миропорядка, расшатываемого самими дизайнерами, архитекторами гуттаперчевой резилиентности.

Мало кто из серьезных (но уже подцепивших бациллу неспортивности-во-благо-клуба, пусть сообщества надуманно-дуто-рекуррентного вроде пользовательских сетей, служащих референтной группой себе подобным), из исочувствовавшихся болезненно-щемящим фантазиям – уж и не возьмусь судить, саудаде ли иль ваби-саби, ввиду примитивности ускользящей эстетики неоформленного, – без ухмылки воспринял бы побасенки вроде крайне-рустикального происхождения Мессии («Лелю-лелю! лем ся в-остани?»), притязания на доисторическую аутохтонность вне

письменной преемственности и прочих факторов, долженствующим ускорить возврат в лоно Европы того и тех, кто и заявлял тезоименитость таковому.

Однако, и среди сравнительно сдержанной публики жажда престижа, – каковой не знавала тогда еще не слишком запущенная сетевая лихорадка, когда IRC уже не мог, а iFB уже не хотел (не) жить по-новому, – наметился крен в сторону признания братских языков столь искони различными, что и новгородская береста, и «Слово», и «Повесть», и «Назидания» (карпаторусского бояря сынови) уже были не указ; когда вкрапления германополонизмов («кшталт/gestalt», «шукати/suchen») в одном столь же приветствовались, сколь порицались намеки на те же, и к ним финно-угорские заимствования, в другом («есть/gibt» помимо «имею/habe»), которые грезилось преподнести как системные расхождения.

Пока газ-батюшка да нефть-матушка стоили копейки, модными стали лозунги о ненужности благодарованной дешевизны. Та же судьба имела постичь стабилизаторские потуги и даже достижения предположительно про-соседского премьера, который в бытность президентом будет изгнан с вердиктом: нам, молодым, нужна не стабильность, а бурление! Лучше-де с Крайнезападом потерять, чем с Юговостоком – обрести. Как произойдет, причем по тем же лекалам, и на Крайневостоке во время буяющих «весен» (эти «спонтанные» волнения-волеизлияния кураторы-попечите-

ли Пражско-Будапештских проектов прошлого века даже не потрудятся переименовать; видать, дабы не спугнуть удачу).

Так первая Площадь и стартовала: под фестивальным ритм, камлание «мы не быдло, козлы не мы», и столь показательно (на еврокамеру) мирно-улыбчиво, что поначалу имелись основания видеть в этом нечто «высшееестественно-надмирное», а не просто – попущенные инферналии-сатурналии бесных, как покажется девятью с половиной годами позже. На площадке действовал сухой закон, строгость порядков и фейс-контроля вроде лембержской кнайпы или ее лесного прототипа – схронов для «наших партизан». Кстати, так звучал и одноименный альбом популярной в столично-немагглянской тусе расово-чистой и кристально-свидомой группы, переучредитель коей был сыном одного из поэтов «расстрелянного возрождения». Это ничего, что пророки последнего, как и годится либералам, подобно азимовскому Мулу взывали к сочувствию с тем, чтоб позже явить свою инициативную сущность. Одни, как-то Хельга Тельга, приветствовали Фюрера и его sustainable policies, но, подзарвавшись, начали хамить, уверовав в собственную лицензию и уберорднунговость. Видимо, первым их разочарованием было то, что херр Ади первым «предал» дело BundEhr – а именно, не одобрил примата уникальной и эксклюзивно-ярлыковой триполоарийскости. Из не «мертвых и нерожденных», а молодых околошестидесятников выделялся Сту-

сан, воспетый, помимо местами опасно-сносной лирики, интеллигентской хуцповатостью: одним из первых, уползавшись на Юговостоке, стал требовать от абориген пользоваться в быту исключительно литературной, в высшем и подлинном смысле «соловьиной».

Ой ли #некозлы? Проведем небольшой мысленный эксперимент по решению задачи трех тел на современном этапе, а именно – выявлению наиболее деспотичного вольнодумца и заискивающего сноба среди троих: физикозавистника от экономистов Глюкмана, беспощадно-фанатичного заводчика чернушек ТуЛепа и дьяконски хитрого духовных джихадов мастера, по совместительству жреца поттерьянства Гуруева. And the answer points to... правильно, BundEhr. Во всяком случае, для некоторых аудиторий, привычно выбирающих его же меж Ларисой Косач и Сковородой. Впрочем, как и для варькарауловых, имеющих своими первыми гуру Гуруевых, а те – опять верно, #ХареПоттеров, которые и обучили их искусству утонченного (как и не весьма) хамства, причем пополам с трансовым подхалимажем. Причем занятнее всего то, что заигрывание с аудиторией сопряжено скорее с презрением, особенно в части необязательной аргументации. Впрочем, даже взыскательная аудитория порой того заслуживает, довольствуясь малым и лукавым в рамках прагматичного целеполагания.

Вообще, редко какой Философский пароход той непростой эпохи, будучи выслан, добирался до определенного ме-

ста назначения; по большей части, куда сроднее было раствориться фаршем, фарсом робких сценариев слабоопределенными колеями да кильватерами изысканий. Решительность действия и сердце-впереди-мысли столь же уверенно двигали к пропасти и бронепоезда революционэров, и шахид-мобили небесных туристов, и «глендевагены» небедных мира сего – профессиональных народобудителей в веке сем. Нередко во мгле маячил ин айсберг; ан мало кто успевал заметить то, чего ленились чаять в угаре Великих виртуально-институциональных переселений народов и интеграционных блоков...

Лежа на диване в преддверии переломной поры (эпохи нескончаемых перемен с неопределенными чаяньями и вчерне предначертанной сценарностью), Гвидов, добросовестно перевыполняя условия согласия двух одиночеств, ласкал свою Ташку *после всего*. Да, они почти сразу стали позволять себе все друг с другом, честно потребляя другого как лекарство, «юзая», словно куклу вуду (притом что оба набожны, пост нейдет к изглоданному сердцу) для изгнания воспоминаний о других-других или жизни-до, что снесли душу. Сказано: *и будут двое одна плоть*. Причем относится это, вообще-то, и к соитию с «блудницей», со всякой даже вынужденной заменой. Но блаженнее ли было б сойти с ума, чем дать не вполне законную нагрузку плоти, которая тем и ниже души и духа, что ее единение едва ли может быть

превыше слияния последних?

Он обеих – всех: так получится! – звал Ташками, хотя той первой и единственной имя было Татьяна («якобы-нерусская душою, сама не зная почему»), а этой нынешней – Натали (столь же самонапраплинно нерусская, несмотря на корни, прекраснодушь обеих, свидетельствовавших скорее о противном). В этом портманто, безлично-безрисковом именовании была не только известная экономность (спросонья не ошибешься и не выдашь себя), но и нечто от времени челночного похмелья, когда словацкие пограничники весь свой словарный запас скукоживали до этого самого немецкого заимствования, означавшего «суму» (тюрьма светила позже лишь особо зарвавшимся из дорвавшихся да нерасторопных, ибо люди «серьезные» так и не «присели»).

Можно, конечно, было бы аналитичненько распестрить бессознательное: не фроммовский ли возврат к лону (с метафорой кенгуру) имеется в виду, словно опасное утешение, граничащее с самоотрицанием и инцестуозно-суицидальным трансцендированием в, казалось бы, знакомое и безопасное, на деле сулящее гибель или же остановку развития? Нечто, за эросом скрывающее танатическую тьму, сумрачностью эреба окрадывая первый.

Ташка. В этом свально-безадресном индексе не было ни на гран непочтения. Напротив, это была песнь вечной женственности, которую он постиг благодаря первой музе, которая его не то погубила (всеподобно Еве), не то спасла

(так же, открыв путь к поиску смысла в поте лица). На самом деле, он воспринимал женскую интеллигентность куда серьезнее мужской: ибо где они, гении былых эонов? Да и обитали ль? Герои еще обретаются – в том числе в простых и честных парнях, воинах и водопроводчиках, всех тех, что в качестве принцев на белых глендевагенах редко рассматривается не самыми дальновидными из незалетных. Самозваной мещанской интеллигенции никогда не жаловал, ибо нигде, как среди этих хамоватых позеров, не сыщется столько образованных дураков, что лишь обваливает средний срез и планку, одновременно близя конец – апофеоз эволюции. Ведь если это цвет, то каковым же прикажете быть темным массам, батенька? Наконец, давайте приоткроем завесу маскировочную: *Ташка* главным образом означает «та самая, та же, таттва и татхагата», ежели на благоусмотрение самопросветляемым благодетелям. Таня-Ната же, помимо имен-как-мен, напоминало бы «пустоту-всепорождающую» на пали (sunnata), да и на славянском (тоун*ность/сue*тность/шуй*ность <*тънь/*суь*), и всех «индо-германских» (thin/duenn/thynne/thunnuz/tenuous <tenuis <*tenH/os/).

Впрочем, минуя непочтение и прочие девиации от идеала размена человечности на дамо- и человекоугодливость, на перверзии конечностепожатности, настанет время и для уже зарождавшегося в нем презрения, веселого смеха в адрес

всего того зудяще-смердящего, чем оборачивался их мертворожденный проект членения и дробления – убиения присно-живого ради еще-не-умершего. Содом – не просто род извращения; это сворачивание смысла жизни, живой мысли до смертоносного все-/взаимо-потребления...

Ад имеет и местночтимых святых. Помимо BundEhr это еще и Фрейд, которого (анахронически) удобно рассматривать как «даунгрейд»/флипсайд Фромма (словно соотнося демо-/охлократию и политейю), или тень, изнанку его *любви*. Попробуйте напугать немаггланских спудеев блудом или впечатлить студиозусов идеалом чистоты! Вас засмеет и матюшевская «Ласа Даринка», повествующая о (надо сказать, неизменной, невзирая на сопутствующую религиозность пополам с мнительной внушаемостью) необремененности нравов крайнезападных земель этой широты. Расслабленная веселость обхождения и чувство юмора, пусть недюжинное (а все ж едва ли тождественное мудрому напряжению), – упадут ли эти края от безумия? Возможно. Но – не их собратьев крайнезападающих, ввиду тяготения к крайности и черной же грани иронии.

Крайнезапад... Исток всего животворно-прогрессивно-го – для недорослей, коим не суждено вырасти, которые так и пребудут в своем идолопоклонском райке, внемля ироничной магии эрона и осмеивая простые чудеса агапе. Ни дети, ни мужи совершенного разума. Шарахаясь мысли, как черт – ладана, будут неизменно возвышать голос за свободу выска-

звания, как и манеры – демонстративно безграмотной, так словно инструментарий грамматики служит не раскрытию и реализации, но удушению их безудержной креофренией.

Изначально окормляем скорее к северозападному монополю соответствующим *well-/g/rounded* образованием, он все же сохранил «совковую» искру интернационализма, миновав плавильный котел мягкопастельного расизма крикливо-либеральных элит, беспардонных благовмешателей, обходящих сушу и море, ища обратить в себе подобных, а при вящей удаче – соделать пушицами себя. Казалось бы, после нескольких поездок «туда» (уваливших от *ad hominem*: «тебе просто не с чем сравнивать!»), он должен был превратиться в верного подмастерья, члена одной из греколитерных лож, называемых братствами-сестринствами. Ан нет: с первых дней «ревущих девяностых», едва поступив на экономфак и получив доступ к текстовой разновкусице, и по сей день не вместил послушания в виде воспевания «*neat little models, as-if metaphors*» там, где напрашивались (и бывали зашикиваемы) нарративы более общие и изящные, пусть не без творческих оговорок. Так, воздавая должное глубине капитального труда о капитале, разве что пожурил автора (разнеся прежде в пух и прах его хулителей) за неучет восполнений: ведь, помимо труда, *всякий* фактор производства мог бы, устами контролеров и носителей (а то и потребителей, наделяющих стоимость субъективным либо навязанным «восприятием»), требовать протекции или перераспределения.

Как попенял и на фанатичную презумпцию окончательной победы материализма (предрасполагающего к затхло-присмыкновенческому НЭПу), едва ли зиждущуюся на глубине формально-структурных проработок более, нежели на легковесных следствиях моды на гегельяно-дарвинизм.

Кстати, споры об удельном вкладе коалесцирующих во Вторую Мировую – не оной ли модели наследуют, так что Юговосток силен «трудом» (живой силой), Северозапад же – «капиталом» (лендлизом, кредитами) и «землей» (территорией, ресурсным вспоможением)?..

Одним словом – «неблагодарный, безблагодатный»?.. Ingratus! Но ведь не предъявите же того же, положим, Моисею, получившему «завидное египетское образование» (хоть, возможно, лучше говорившего на армит-мцри, нежели писавшего на лишон-кудош).

Гвидов рано приобрел вкус к – о ужас! – самостоятельному мышлению, и потому, наивно веруя попервах в спортивность гуру-адептов глобализма с реформатским лицом, искренне дивился их снисходительно-непреклонным вердиктам на его робкие эстетские попытки обобщить их мечтательно-смиренческие теоремы торжества «невидимой руки», сводящие рациональность к алчности, когнитивные наклонности – к оптимизаторскому копейничанью, склонность анализировать – к «рациональным ожиданиям» в смысле всепредвидения, а все вместе – к тезису о невозможности неэффективности рынков, опровержения абсурдности коего

служили... очередной сенсацией, источником добавочного научно-политического капитала для всех участников жреческого кружка по изгнанию непосвященных или нелояльных. Коли тщишься поставить нашу генеральную линию и веру под вопрос, то мы-де быстро поставим тебя в смешное положение вечного безработного. Инквизиция не утратила навыков.

Но тогда и он оставил за собой право не быть их клириком. Как не обратиться и в записную белую ворону – маверика и уислблоуэра, склонного раздражаться обличающими тирадами раз в жизни, и то с целью сгрести свой миллион на бестселлере, свалить с рынка и заткнуться for good. Сам того не замечая, от рефлексий он перешел и к позволению себе предпочтений. В частности, возвернулся годам к тридцати к люблению старых фильмов, причем не только советских, но неизменно тех самых, где теплилось еще уважение к красоте и душевному теплу, покуда не сметенному необузданно-книжнопривитой чувственностью, ищущей даже в готических соборах, в самом слове fallacy (характеризующем сию зашоренность) исключительно фалличность, так что возражения, если и поступают, то – от феминисток средних лет и созывов. Пусть оные произведения скорее *призывали* к лучшему, нежели фиксировали подобное состояние и время. Пусть противники подобной ностальгии-как-инфантили твердят, что саудаде – едва ли не психическое отклонение, а тоска по подлинному сродни тяготению

к будущему-эфемерному; да и вообще неуместно сравнивать идеальное с худшим из реального. Пусть так. Но вопят об этом все больше те, чей идеал инфернален от начала, иной раз рядясь под маску то гедонизма аки пост-материализма, то ему оппонирующих халифатов, чей самовозгоняемый максимализм сопряжен с лукавой манерой обходить разумную нравственность браками-на-пять-минут, такойей превратно-отдаждяльной (зде: *гюбрикономией*) и борьбой с идолопоклонством в малом на фоне претворения самого процесса в идолатрию латентную. И не в том дело, что длина бороды или одежд, как и зычность междометий, постепенно стали олицетворять букву (осколок ускользящего смысла), так что невразумительность положений компенсируется неукоснительностью соблюдения. Полагаете, Крайний Запад грядет инуде? Все выродилось до ритуалов, схлопнулось к *сигнальности* ввиду незыблемости кумиров, гуру, окормителей (отравителей) – даже в среде реформатов, с оными ритуалами видимо сражающихся. Горе – сомневающимся, ибо на них найдется инквизиция коллективная: улюлюкающая толпа прогрессистов, эрастэроменов и «воинов света», требующая расправ над духом-логосом во имя свободы буквы-эроса. Как сетовали мудрейшие от эллин...

Старые фильмы... Порой они снились. Вот грезится, как идут съемки картины, причем сама массовка вроде как и не догадывается, что они не то в ролях, не то сняты ему!

Эпизод прорыва низкопередельного чугуна из мартена: полыхнуло жерло, полилось жидкое солнце, добытое потом того же, казалось бы, кровавого отлива. Сколько их угорело, сколько надорвалось непосильными трудами; как долго строили эту страну, как скоро поставили на ноги! Для того ли, чтоб потом кучка резвых да ранних самоценов решила, что созданное многими «унтерами» по праву сильного принадлежит немногим «оберам»? Имут магическую власть в лице формулы, мантры, междометия: «свобода»! Деморализовали Страну, выставили чернее черта в глазах самосвятой же мировой общественности – клуба лицезеров в манжетах с руками по локоть в крови. Покайся-де! А лучше – рухни, прижухни, притухни, – и все будут довольны. Все схлопнется до столицы с пригородами, которая станет и бессмысленно-удаленным хабом для полетов даже меж соседними пунктами. В центре – град, за оградой – тьма кромешная, ад ссыльный, скрежет зубовнопротезный...

А покамест празднуют сердешные, ликууют, разливая чугуны и перегоняя в столь нужную сталь. И мы ликуем вместе с ними. Снова вспоминаем, что это кино и сон, и у нас текут слезы; но не станем их огорчать, раскрывая, что же станется со Страной, миром далее... Молодцы, ребята!

А которого из троих младых мудрецов нашего кинематографа пощадил рок? Быкова? Шпаликова? Бодрова-младшего? Однофамилец-погодка первого, пережив страну и опередив мысль ее легкомысленных детей, – не обречен ли был

в кассандрином бессилии созерцать медленное, покадровое раздробление ее сосуда, зашатавшегося от потрясений, грянувших гурьбой, гроздью, грозой? Среда-трудоустроительница рассудила: *overqualified?*..

Жаль Гвидову было не только Страны. Как ни странно, ему – конфирмату правдоправия (хотя в детстве, в бытность свою пионером, имел наглость скалить зубы по поводу ожидаемого «стирания грани меж городом и деревней») – в уже пост-руинную эпоху конца 90х – начала нулевых (в самом деле, *нулевые...*) доводилось, возвращаясь к родным пенатам-ларам, сокрушаться, видя упадок некоторых из тех лавочек-ларьков, что привык видеть в родном городке давно.

А главное – цирк! Он всегда старался покупать билеты, случись в городе появиться этим благородным кочевникам. Брал билет, стремясь защитить, продолжить жизнь любимым... Но сам не ходил, ибо не всяко можно продлить детство. Как ни крути, а это великое искусство и один из бастионов оного царства. Того времени, когда бредил тайной – в числе прочего, цирком и космосом – той, куда нет царских путей, но куда так хочется проникнуть, овладев без обладания...

Наверное, забыть и отвернуться было бы не единственным предательством, внушающим ему, как нынче модно выражаться, «комплекс вины» (вот ведь возгосподствовали адепты самовозлюбления!). С детства, бывало, подбирал,

кроме сверкавших кусков гранитов-кварцитов-обсидантов на стройках (минералы и монеты к нему так и липли!), еще и всякую, казалось бы, дрянь: то кусочек конструктора, то поблекшую картинку с хрюшей... (Много позже, уже в более зрелые лета, ему вдруг станет жаль... *простых чисел*, этих замухрышек недолюбленных, словно мышей и воробьев – и те тотчас ответят взаимностью, раскроют во мгновение ока тайны, закономерности сродни периодическому закону. Не свойства – *отношения*.)

Не оттого подбирал, что нужно было *ему*, а – что *другим* не нужно. Вещицы, некогда сделанные заботливыми и не очень руками одних, были преданы руками других. А может, всему виной кучи игрушек, что родители щедро-откупительски покупали, а затем выбрасывали, даже не спросив его, не задумавшись: не ранят ли сердце легкомысленной черствостью к тому, с чем уже сжился как с родным?

А может, то раннее было во искупление *ежегодного акта предательства*, вершащегося с тяжелым сердцем всей Страной? Нет, дело даже не в вырубке елей (индюшкам в Америке, должно быть, тоже не дали последнего слова в канун всеобщего праздника); скорее – в последующем выносе. Несколько недель, а то и (давайте признаемся) месяцев зеленая красавица, как могла, радовала весь дом, будучи сердцем праздника добра и непротивостояния меж людьми и народами – в сезон благой, когда нет места ни фанатизму, ни

одеревенелой черствости. Когда даже снобы диванных войск снисходят до «ящика» и сливаются с народом, отложив гаджеты-виджеты хоть на пару часов.

И вот приходит час Ч и Д-день, который (признаемся вновь!) отодвигали, сколь могли. И не потому, что – лень. Тут другое... Ритуал выставления друга за дверь, предательского оставления в опасности, надежды – лишь на очищающий огонь: грехоопаляющий и вечнозеленящий.

Когда, когда же быть сему? Не наша печаль – числа. Будет День, будет *наш* Новый год, если не отягощаться ложными радостями...

А разве не жаль было Куста – душистого цветка, что вымахал метра на три прошлым летом на огороде и уперся прямо в окно первого этажа, срубленного случайной рукой, малодумчиво внявшей не весьма умной подсказке о том, что тот способен-де корнями фундамент разворошить. Ведь цветок этот почти имел имя, наверняка улыбался и приветствовал хозяев, весь дом! Этот цветок ассоциировался с Дымкой – ведь обоих Гвидов спасал одновременно ноябрьской стужей: котика, – пуская в дом, цветок, – укрывая пленкой от ледяного дождя и аномально же снежной метели... Нет Дымки – нет и цветика-семицветика. Все логично, *congruit universa*.

Не с оной ли печалью взирал на некогда сочное, еще недавно плодовитое дерево, с которого о прошлом годе насобирав несколько сот крупных орешков, то самое дерево, от которого и колоды не осталось – так, лишь трухлявое от-

рубие ствола, кора одна величиной с сажень, так что и в траве не сразу заметишь... А сколько деревьев пошло на сруб в виде теремка для магазина и летнего кафе, что радовал глаз лет двадцать, с самых мрачно-сумрачных девяностых, и что сейчас глядел обугленными головешками, обезоконенными глазницами «фрагмента несущих конструкций», без крыши и подворья, пав жертвой истовой «сердобольности» очередного героя-патриота с верхних этажей, в который раз спровадившего жену на мытье забугорных афедронов и усмотревшего в них (теремках) мало «автохтонности», а значить – ноль прав на жизнь (тем паче – на отныне-незаконно занимаемом участке). Им-де рассудилось, что всему, не укладывающемуся в идеал фольклорно-выверенной стилизации, не должно бытовать (даже Юго-Востоком, чья самобытность есть оккупированность), а потому и не будет. Это ничего, что и сам щирозападенский, ежели очистить от креольской шелухи, вполне себе по-старорусски зазвучит: сей неудобной правде тоже нет места в бессознательном сознательных и сознании несознательных... Чудно: почему эту животно-бесноватую неменяемость нарекают то «пассионарностью», то «сознательностью»? Транс – от членения смыслов на звуки? Обесмысливающе-освобождающих *помаваний*?

Вот! Не берусь судить, смеет ли кому нравиться глагол «помавать», его кривая редукция к корню «пома-», минуя когнаты вроде «мановения» либо непроясненную общую основу с «манкированием» /«минованием». Ладно бы еще –

в ироничном ключе, когда передаваемая притязательность (вроде отчетов брайтонских ученых или крайнезападных атташе под зонтиком энкао, прочих розовых касок и зеватель-но-отчихательных кабэ) самосекома. Известный ли оппозиционер, окормляющий жестами-пассаами отчаянно презираемую таргет-аудиторию; именитый ли религиовед, грозящий очередному церковно-безграмотному новонаначальному тонкостью имеющего воспоследовать остракизма – неизвестно, что здесь было бы менее уместным: фаллические иннуэндос или попытки примерить сирекомый глагол в ошельмовывающем ключе по отношению к дитяти. Всяко, не всякий кобздарь осмелится на самопохороны подобного рода-разряда с соответствующей гарантией невоскрешения репутации.

Но в том-то и дело, что к столь трогательному существу, как Дымка, лучше глагола не подобрать. Как беспомощно помавал лапками, напоровшись на прохладцу прочих зверюшек, спешивших скорее отвадить его тотчас, нежели приветить на своей территории; так и ушел, помавав напоследок в знак чего-то недосказанного и недопрожитого вместе...

А может, Дымка ушел, не найдя решения, *средства* – или избавив нас, запутавшихся меж злым добром и добрым злом (почти по Станиславскому, а вместе – по Сухомлинскому и Макаренко), от необходимости искать невозможного: кормить ближних любимцев, потворствуя смерти дальних. Ведь давно еще, лет за двенадцать, отнюдь не будучи ориенталистом, Гвидов мечтал... стать вегетарианцем. Нет,

не веганом, напротив – с благодарностью принимать молоко, не требуя от тех же благодетелей мяса-шкур (кожаных вещей не приемлет давно, с тех пор, как озадачил венскую супервайзершу по рюкзакам контрспецификацией). Тронули и поэтичные слова Гаутамы о начале несчастий на этой земле: с несправедливого поедания коров – тех самых, что давали молоко, грели детей своим дыханьем. Не меньший отклик нашли в душе православной и... азы кашрут, а именно: не варить козленка в молоке матери его. Правда в устах древних, терпевших лишения, хоть и могших рассчитывать на послабления. Суть, в коей явлен образец нехищности, отказа от всепотребленческой многоядности, омниконсумпции-олотрофности. Исть, близящая землю небесам посредством равноблизкой любви, вперед видимо разноперых ограничений на копытность-чешуйчатость.

Коей прави причастен и Дымка, что не мог уже есть, как в пору умирания. Праздник прошел, лучше уже не будет, после же пира – неважно...

Было ли вложено в Гвидова, благоусвоено ли им: много духа, много и плоти. Как вдруг проснулась и душа! Откликнулась на зов того чувства, что не может объяснить, ничем не способна урезонить исключительность объекта, как и отличие свободы от несвободы ввиду его существования. Словно в чаду высоких энергий души, но не в прозе гормонального возбешения плоти: не иссушило мозг интоксикацией, ни исканий духа пресекло. В самом деле, мно-

гим ли различались его Ташки-пташки? Уступала ли одна другой в главном? Пусть одна юнограмотна на письме (паче гор проглоченной макулатуры, «невыносимо легкоусвояемой» зауми-с-похабцой), подобно массе нынешних блохеров, неолиткорректоров, бегущей строки телеканаллизаторов-коллекторов, – а все не столь безызвиллинна-при-трех-высших образованиях, как большая часть этих вопящих глоток и ржущих рыл, столь же рьяно бегающих мысли, сколь тщасихся утвердиться в качестве conception-shapers, perception-framers, brand/trend/agenda setters. (Чем не наименование новой породы собак Павлова?)

Гвидов был скорее плейбой-заочник. Много хотел и мог, но мало что смел сметь – сознательно и вольно, а не по зависти-злобе доли злобовековой. Злоупотребил малость разве что в эти девять с половиной недель, что им суждено было провстречаться с «крайней» Ташкой. Всегда нравился женщинам и девушкам, еще в бытность подростком и даже ребенком с отстраненным упоением принимая флирт тетенок постарше. (Было ли банальным милованием малышом, затем – отроком, наблюдение его опережающего развития, имеющего изнанкой молодость в дальнейшем, как и продолжением-репетицией – зазывания на репетиторство, консультации?) Первый, случайный опыт исступления, полученный на турнике лет шести от роду (никто ничему не «учил»!), предсказуемо вел не столько к «пятерке» в четверти по физре, сколько к ранней тахикардии – пусть и оку-

павшейся женским вниманием. Ну, а грядущим турне Крайнезападом так и вовсе трудно было не уверовать в собственную неотразимость, когда десятки, если не сотни фемин плялились, лезли со знакомством, просто не скрывали эмоций так, как не принято в земле родной (где не называть вещи своими именами – само по себе элемент «высококонтекстной» ролевой игры).

Не злоупотреблял, непостижимым образом был *храним*, и вдруг... Пропал, попал, втрескался по самое stay away, и едва не ощутил себя окраденным в лучших чувствах, поняв, что все – все, в том числе набожные и неюные летами – из одного теста леплены. И на мгновение все эти мнимоангельские формулы («плоть зло, дух добро», «уклоняйся злочестия, склоняйся к благочестию») показались едва ли не более низменными, почти комичными, чем простая и честная борьба людей в миру. При всех «страстях и похотях» главным оставалось неотвращение от проблем и жгучих вопросов, небегство от реальности, не довольствование ни тепленьким Едемом, ни прохладной ниббаной, где жизнь отчего-то должна означать замирание, отречение от поиска, творчества, любви. Детство на время померкло, зверюшки и мультики поблекли; и хотя он всегда ощущал зрелость в уме и духе, так что сосуществовал во всех возрастах одновременно, временами и плакал об утрате невинности – о нет, отнюдь не плотской, но именно неотягощенности душевной.

А сейчас, едва встретив ЕЕ, должен был расстаться. Ибо

годом ранее слишком убедительно сыграл безразличие, так что теперь, когда она выскочила замуж (по залету столь же случайному, сколь и желанному в смысле прибежища от отчаянья), не склонен был разрушать брак. Как же! Они ведь теперь «одна плоть». А родичи, а дети – мог ли причинять им боль, пройдясь сохой по их миру и совместному празднику, когда сам бы подобного не перенес. И если честно, не позволял себе разбивать пары даже безнадежные, когда сама барышня всячески дает понять, что не против.

Одним словом, «лох» – если договоримся неудачника характеризовать не как обездоленного, но, напротив, навывшего в отказе от шансов и ресурсов, произливающихся на него в изобилии. Зато сейчас приходится довольствоваться возлещанием с Ташкой, иступленными ласками до полного изнеможения, когда пресыщенность почти неотличима от невинности в замутненной душе, где вождление столь же легко рождается, как и гасится. Так что испытывает она душа скорее дефицит желаний (чем не очередная нирвана?), нежели возможностей. Желания, разумеется, просты, невзирая на поползновения к изыскам, но неизменно кончаются неистощимым любованием – собой и друг другом.

– Ты красивый. – Ташка улыбулась несколько инспекторски, а затем, словно чем-то встревожившись, добавила. – Красивый и умный. Все в тебе с избытком каким-то... Не знаю, как это сочетать с эллинским *гюбрисом*, но где-то около того.

– Скажешь тоже – «красивый»! Скорее так: физически привлекательный. – Он улыбнулся в ответ: не то сквозь нее, не то любуясь ею насквозь, когда созерцания поверхностных прелестей или даже тайн уже не позволяло сосредоточиться на неге, фокусируясь неререфлексивно, словно глумясь над идеалами дзэн, бестолково перевранными западными гуру. Чьих ментально-духовных способностей хватает не на много большее, чем у психологов, жаждущих власти посредством азбучных схем, словно не предполагающих наличия собственной глубокой и содержательной матрицы, как минимум превосходящей таковую подопытных.

Они повторяли все уже неоднократно, порой не то сбиваясь со счета, не то теряя счет подходам к этому снаряду, столь же энергозатратному, сколь и вознаграждающе зовущему. Сколь ни выпренно-пошла риторика: «они отдавались друг другу с той иступленной неистовостью, что застигала врасплох и заставляла выползать друг из-под друга едва живыми», – но точнее и не скажешь, в частности, гадая о значении ее загадочного книксена: «Хочу, чтоб ты оставался во мне и никогда не выходил». Оба могли бы развлечь друг друга целыми опусами из собственных и общеразделяемых мыслей («суицитирование»), но чаще болтали ни о чем, – буквально впадая в детский лепет. То заслушивались мерным рубато качающейся кровати (или напоминавшего о ней стола, на котором резался хлеб), то считали по осени груши, падавшие за окном с высокого грушевого дерева со зву-

ком, могшим разбудить нервных соседей, прислушивавшихся в это время за стенкой к совсем другим звучаниям.

Но временами снисходили и до более злободневных тем. Надо же чем-то развлекаться в перерывах между путешествием в темную материю друг друга. А то и вовсе скоро могла открыться страшная правда: при всей переразвитости обоих, им банально не о чем было... молчать. На суровый тон его могла подвигнуть ее странная торжествующая манера не только запрещать ему оплачивать проезд в общественном транспорте, но и повествовать о маленьких победах демократии в отдельно взятых душах и подленьких проявлениях – как-то освоении западных грантов журналистам, мечущим оппозиционные выпады на несимпатичного Еноховича, тучного соперника харизматичному любимцу дам Дрюченко; а то и вовсе – о тиражировании слухов и сплетен для мнительной публики с пещерным сознанием (вооруженным рычагами кнопкодавства) о том, что якобы и Нострадамус, и Вангелия предсказывали нулевые шансы «темным силам» антикрайнезападничества. Те же ребята несколькими месяцами позже будут плести басни о том, как годовалая кроха остановила мать, порывавшуюся уйти с Площади словами: «Иначе у меня не будет будущего!» Все мамочки умилялись, а многие клялись, что это их ребеночек и был (попутно выдавая и склонность реализовываться косвенно, то прикрываясь дитятками, то рожая их для написания диссертаций, а то и вовсе развивая вундеров-киндеров в порядке капсоревно-

вания либо новомодного либидинального спорта).

Он негодовал о сих «новейших модусах древнейшей профессии».

– Мужчина, о чем это мы?! – напускала она на себя испытующе-осаждающий тон требовательной шефини, что служил скорее сигналом к началу новой игры, при этом привлекая к себе в той бесстыдной манере, что демонстрирует не то их близость нерушимую, не то ее власть над ним, а скорее подчеркивает его безграничное обладание ею, когда и унижение от любимого – в услуду. Когда же слышала догадливый отклик в виде вожделенной грубости, то сознавалась, что ей хочется все это слышать, и только от него, и в подтверждение предавалась безудержно-недолжной суидиффамации.

Власть... Разве не знал он едва ль не сызмальства, что и желание иметь много-много друзей, позже – женщин и «лайков» безотносительно от контента – все это может лишь рядиться под дружелюбие или женолобие, на деле реализуя жажду власти. Нет, отнюдь не якобы благое стремление, воспеваемое безумными поэтами тевтонского тантра-танатизма, но именно как *вырожденный страх*. Страх бытия, страх любви, страх отношений и чистоты сердца; страх увидеть Свет, который иначе и не узреть. Сам будучи с нежного возраста самодостаточным отличником, а вовсе не машиной зарабатывания баллов (и «лайков», как ныне иные), он прекрасно видел природу остервенелого гнобле-

ния горе-учителями несчастных двоечников, не имеющих к тому же обыкновения к подхалимажу власть предержащим. Знал, и потому никогда не злоупотребит свободой и достоинством, не будет пользоваться рычагами манипулирования, даже имея к тому и внутренние ресурсы, и харизму, и обилие благовидных поводов. Похоть к власти, демонстративная, сродни жажде контроля над всем, чего боишься – о, сей смертный грех презрен вдвойне.

Иногда он переходил на педагогически назидательную, но внешне нейтрально-околичную тему. Например, нет-нет да и вспомнит какого-нибудь случайно-новомодного пандита вроде Сарасвати, неизменно озвучившую мысли, созвучные его видению, но в узкоспециальном приложении.

– Прикинь, ведь помимо прямых путей развития (а западные корпорации никогда и не избавлялись от элементов планирования, да и Нобелевки Канторовичу за методы оптимизации, отраслевых балансов, нарочитая критика плановой системы не отменяет) – так вот, окромя так называемой «казуации» имеется еще и «эффектуация». Одно дело – знать, куда идешь, и какие ресурсы для этого требуются, так что можно сравнить с имеющимися; совсем иное – честно, «тупо» ничего не знать о будущем, а ждать, чего там вырисуется при наличии таких-то ресурсов. И, надо сказать, между этими крайностями уйма неопределенных, но заполняемых вариантов и комбинаций.

– «Ой, какой ты умный! Это оттого, что ты кра-

си-и-ивый...» – Она улыбнулась и напомнила, что это лишь трогательная цитата из старого фильма, ни взрослого, ни детского – столь же преждевременного, сколь и запоздавшего в упреждении коллапса страны, шатаний-брожений ее коллективного бессознательного. Разумеется, этот вывод о фильме он сделал сам, притом молча: просветленного, так сказать, все просветляет, даже случайно подвернувшееся полено. Или эта Ташка – случайный попутчик, ситуативный ангел, гений места, посланный на время и с целью (или неожиданной, апостериорно-экстернальной пользой), как все мы – друг другу?

– Так вот, кстати, а чего вы все ополчились на «Регионы»? Не о сепаратизме ведь речь, не о развале, а скорее о поместной инициативе, притом на основании местных же сравнительных преимуществ. Между прочим, он где-то служат аналогом Республиканов в США – традиционно корпоративно-крупнокапитальной: ну, там, консервативные ценности, снижение налогов, все такое. Можно предпочитать Демократов, с активным вмешательством, nudging, контролем СМИ и финансов. Можно говорить, что у них *одни хозяева*, можно спорить... Только зачем их противопоставлять как зло и добро, «да» и «нет», делая политический выбор вопросом жизни и смерти? Разве трудно себе представить часть электората, равно холодного к тем и этим, словно к *порченому* продукту? А индивидуев вроде вашего покорного, «ровно дышащего» к толпе? Или инопланетян, пришельцев из будущего?

го, случайно явившихся в собрание примитивного социума, где им все и вся чужды; так нет же, приперли их: мол, яви принципиальность, за кого ты – за хитрого и жестокого Эбдо или коварного и ловкого Хемдо?

На ее мычание-мурчание о демонстративном иррационализме юной поросли он (сам будучи двадцати семи лет от роду, так и не побывав дебилом и не видя признаков косной глупости в ее двадцатитрехлетней черепной коробке, по-видимому не полой меж ушами) неизменно ворчал и сетовал на то, что не приемлет неспортивных *средств*, неблагородных и попросту гнилых методов, *unfair play* – хоть они мимикрируй под жеманные взбрыки или инфантильную «непосредственность». Раж, внеумь давновозникающих соцсетей были манипулятивны и подлы. Она это знала и успокаивала его, обещая бросить к черту всю эту «джинсотемниковость» – всякий раз, когда животной чуйкой подозревала его суицидальные, любвеубийственные поползновения, реализуемые телефонными «итальянками». Это было тем более взрывоопасно, что и она имела печальную историю за спиной – еще не «исперченную», как у поэта, но уже блеклую в сравнении с тем «невероятным, что дано испытать» с ним. Это она напишет в прощальном письме, отвечая на его ругань вдогонку, когда он примет решение в очередной раз рубить, так с плеча. В их последнюю «очную ставку» он ее впечатлит, даже поразит.

– Знаешь, все-таки фрилав – это хрень полная. Вкусно

вроде, но – примитивно: зародышевая стадия. Оно, может, и «термояд», но слепой, не структурирующий, не направляющий. Хотя порой я осекался: а вдруг все эти поиски прекрасного – в самом деле, лишь *служение эросу*? Все равно. Не может все быть столь пестро, вразброс и в метаниях: между крайними суждениями, взглядами на одно и то же то как на добро, то как на зло, – не должно быть такой пропасти. В разбросе нет ни знания, ни правды. Как нет ее и в переходах от одной крайности к другой, между досужими революциями, мелкими переворотышками в сознании амёб – всех этих карликов, оплевывающих гигантов. А любовь... все-таки сильно проще раздеться, чем просто признаться в любви. В одном случае водка не нужна, в другом – не поможет. Любовь сама себе и боль, и страх, и анестезия.

– Я и сама сейчас ощущаю, что все, чего хочу, это стирать и готовить – для мужа, грязненьких детишек...

– Тогда почему не с *ним*?

– Ты же знаешь, там...

– И ты письмо уже успела написать, еще тогда, когда мы...

– Ну, да...

– Зачем?? Разве не ясно было, что это ненадолго?

– Не говори так. Не так жестоко, солнышко, ведь я...

– Знаю. Ну, и что? Я тебе нравлюсь. Тебе со мной хорошо. Кстати, не понял: «то невероятное...» – правильно ли понял? Но *этого* мало! Мало ли, сколь многие мне нравятся или даже признаются во взаимности! Это так мало – нра-

виться... Даже экстаз по сравнению с любовью, пусть и не состоявшейся, – это так немного. А знаешь, что *она* мне тогда сказала, эта пионерка с невинной внешностью? Дело даже не в том, что ей удобно и что муж у нее «суперский». А что даже мало – это много! С вашей, девочки, неприхотливостью-то. Так и сказала: «просто лежать рядом – это классно!» А когда *совсем* уж классно... – правда, из ее репортажей это неочевидно. Сказала – как током шарахнуло, полдня сидел, словно обожженный или с ободранной кожей...

Они расстались тем же вечером. Он – почти исцеленный, или договорившийся со своей болезнью, перенесенной из фазы обостренной в хроническую, или загнанной в туманную область Ид. Она – с озвученным намерением «не лечиться», притом от *обоих*, вообще от прошлого. А будущее – «все еще как-то будет»; что-нибудь из мглы да выплывет. «Феминиминимализм! – подумалось ему сгоряча да с горечи. – С их-то, девочек, сердечной мультиоргастичностью...» Они еще встретятся, заочно, через знакомых и «половин». Для более вдумчивых бесед. Когда, некогда теплая и цветная, действительность свернется вначале к двум изгрянна противопоставленным цветам, а затем и вовсе – к оттенкам монохромной пучины, из коей мало что могло родиться, кроме разве продолжения той энтропии, которою мир был давно чреват и ей же повинен.

А он сам – только ли противился этому или невольно и множил, длил, размазывал грязь? Ведь его этическое

маньячество (образнее не охарактеризуешь) началось еще в детстве, когда от избытка оригинальничавшей принципиальности иногда мог сам себе возразить: что это я, в самом деле, только за наши спортивные команды болею? Отчего, мол, не пожелать честной победы сильнейшему, достойнейшему и благороднейшему? Спустя годы он, сам того не приметив, напишет критический отзыв на двоих своих благодетелей с Крайнезапада, которые ранее не то рекомендательные письма ему дали, не то make-up экзамен приняли в более удобное время. Это произошло машинально: просто роздали анкеты, которые ищущий ум сам заполнил с упором на «раз уж спросили и коли уж на то пошло». Забывался сном тревожным, позабыв сей казус в суете дней... А когда вспомнил – пришел в ужас, заметался, вытребовал изъятие своих неосторожных «показаний», суда над адвокатами и судьями; его успокоили, заметив, что все это никак-де тем не повредит, разве в случае распределения tenure... Успокоили! Оттоль утратил сон.

Но и это не помешало ему позже, со всем своим well-/grounded background, придти к духовно-нравственному тупику: необходимости пописывать... ежедневно-гениальные доработки для разноперья грэдов и постдоков (а отнюдь не методичек для бизнес-школ, как вскроется). Не только вследствие неполноты предлагаемой творческой реализации инуде, но и ради самой возможности достучаться, докричаться, дозвониться до всех этих прагматичных пророков пост-

правды – твердолобых профессоров, как и их паствы. Каялся потом столь же истово, как прежде, готов был голодать и, в самом деле, голодал в тщетных поисках абсолютно честного заработка, проклинал нечестивый дизайн – и молился... о его сохранении ради невинных и уязвимых, кляня и себя самого за те редкие вкрапления комфорта, столь неуместные на фоне тягот, переносимых большей частью человечества.

Но ад, разумеется, к этой недоприкаянности не сводился. Прекратись ныне голод и нужда повсеместно, – разве не искал бы смыслов граду, миру, себе? А, не будучи нужным и в малом, отнюдь не почитая себя осчастливившим мир своими духовными обнаружениями, – желал ли бы себе комфортного продления? Или неужто всякие терзания-мытарства (как и оскорбленная напраслиной невинность) – от лукавого, а всякий «мир», «гармония с собой», «душевное равновесие» суть неперменные свидетельства правды пути или произлипания благодати? О, тогда никто не упасен паче реформатских фундаменталистов, не склонных к палимпсест-рефлексии #NoWarOnROW по пожиранию – пардон, «рационализации» или парсимонизации – «лишних» остатков мира (но не себе подобных, ввиду весьма малой приятности мяса хищников для коллег по релму)!

Однако, что совесть его *в дымке*, помнил всегда. И присно был этим мучим – нет, не так, как комфортно ощущает себя душа, «сожженная в совести», лишенная нервов и кожи. Скорее боясь погубить, чем погибнуть (подтрунивая над

теми, кто кармической самсары боится паче своей же теп-лохлады), – а вместе почить на ложных лаврах, нежели проиграть, – тщился доискаться: так ли уж тождественны гордыня – и сожаление о превратном, поверхностном, штамповочно-примерочном *толковании другими твоих грехов и страстей*? Не столько рассматривая радости двоих как нечто зыбкое в нравственном смысле (одним и тем же занимаются и в браке, и вне – одинаковы средства к дарованию жизни и хищению), скорее склонен был видеть в этом нечто роскошно-малодозволенное таким, кто, подобно ему, подвизаясь обретать и делиться, оказался малополезен. И в этой же связи почти лишен смысла был вопрос о его гибели или спасении. Разве-де важно, чем закончит *малая* букашка, клетка, былинка? Чему послужил: Богу, людям ли? Ах, абстрактной истине; вот в ней и пребудешь – в сем *непроясненном*. Не смог возлюбить, не дал любви ожить в делах, – так коей худшей участи страшиться? Или какой рай искупит сей ущерб, уврачует таковое увечье души?

И вовсе не желал отказаться от этой своей этомании, что ли. Даже ради любви. Ибо не очень-то верил, что совершенство любви склонно требовать жертв в виде посрамленной правды, профанируемой высшей истины, – как бы ни уверяли ламедические анекдоты о сотворении.

Совесть была замутнена и вот еще чем: нередкими обвинениями Того, винить Кого немислимо. Тем не менее, винил и «предъявлял»: смерти детей, гибель малых детенышей зве-

рюшек, всененужность достойных, недостойнство всенужных... Мол, пусть непричастен; но ведь попустил, держа все под контролем? Так, словно Тот сам не прошел через все это, отказавшись от надзаконности, отвергнув сделку с мерзким правосудием там, где невозможно с чистым сердцем нравиться нечистоте. Ссорился с Невинным, вздорил – и мирился, зная, что в первую голову себе надо попенять в инертности и промедлении.

Как окажется, через нечто подобное проходил и Дмухарский, еще в бытность свою полуангелом и почти мудрецом. Проходил – не прошел... Хватило малости: сочувствия благомрази в ее стремлениях к паноптической, навязчивой самобытности, нюансами множащей сложность. Сказалось и его невинно-карьерно-конъюнктурное чутье, мечтательность по искусственному интеллекте – так, будто бы изначально не доверял Тому, чье мастерство непревзойденно...

Так вот, готов был Гвидов сам себя, ввиду невозможности «большого прыжка», хоть «культурной революции» да подвергнуть в рамках культивирования *Жъ (Ru)*, пусть и в несовершеннo-вынужденных формах. Да и вообще, по Прасанову, «прохрустеть в колесе истории». Вот только тянул, что ли, со всем этим конструктивным самопожертвованием, притом что знал: промедление – лишению жизни остатков смысла подобно!

И вот настало время, когда времени больше нет, когда смириться значит не уклониться от боя и не дезертировать перед вызовом и призывом к *Пре*. Когда нет уж сил даже смеяться лицемерию клуба мировых судей в законе, провозгласивших закон для всех, кроме себя. Когда назначение врага тождественно наступлению у хищника времени обеда, раннего ланча-ленча. Когда в этих условиях единственной непристойностью считается правда, озвучивание того положения, что палач прикидывается либо жертвой, либо избавителем, – взывая то к милосердию, то к покорности. Когда сами собой рождаются правила боя, сводящиеся, в самом деле, к целомудренной до неприличия максиме: «Блудству позерскому – бой!» Конец вашему вавилону и содому, господа нехорошие. Станем упиваться вином правды и иступленно-му истодеянию предаваться, как первой и последней, оставшейся и неисчерпаемой роскоши-неге.

Нет, битвы не бегал, дел не лытал. Разве что – любви. Долга опись всех вех на просторе вечной женственности, которые неблагоприятный миновал без колебаний (не сказать – без сожалений). Сколь ни прекрасны были все они, их жгучие отпечатки на сердце требовали бальзама, а не просто забвения подобным. Нет, не легковесным, не небулярно-сомнительным. Чем-то это было прекрасно, даже когда почти не было ничем. Едва уловимое – как негаданно-желанные напряжения души, что столь несравненно мощнее «возбешения плоти», «тонко-блудной страсти» духа – все требовало

хранения.

А совсем недавно прошлое вернулось: то ли на непреклонную прочность испытывая, а не то – на безрассудно-поэтическую решимость там, где, в общем-то, и прозы достаточно с лихвой. Он долгое время помнил ту прекраснейшую из дам, фею новогодних праздников, мамину подругу, посетившую их дом в эти волшебные дни. Таковой же представляла и внутри эта богиня. Которая, может, и не приглядывалась к подростку, зато новыми глазами взглянула на него восемнадцатилетнего, когда предложила поднатаскать за неделю перед поездкой в Венский нархоз-университет. Именно от нее, парящей меж и над Ташками, узнал о немецком происхождении этого самого слова, которое и услышит в Братиславе несколькими днями позже на пути следования. Круг замкнулся... Встречая неизменно задорным: «Komm bitte herein!» – она словно давала понять, что халат по нагому телу и тюрбан – это столь же обыденно, сколь и «приурочено». Он же, глупец, примет – о, не единожды! – наименее выгодную из возможных трактовок, полагая, что может помешать *их* встрече. Вот и помешал... Она деликатно выдерживала эту игру, порой держась подобно любимой девушке, которую норовят обидеть, и которая стерпит еще не то от любимого...

А недавно она вернулась. Ненадолго, с похорон мужа – на похороны матери. Набралась храбрости (полста грамм помогли) и велела передать, что... *любит* его. Оно и неудивительно: сам прекрасно все понимал, просто – снова и снова –

нередко мнил, что сколь проще его захотеть, увлечься им, столь труднее и добраться до более теплой, душевной стадии: любления в нем *сокровенного*. Признавались-то ему – через доверенных – нередко (причем восточные красавицы Мари-ко-Томоко бывали пооткровеннее северных белоснежек Мануэл-Орили)...

Решил предать прошлое прошлому, сохранив в душе не остекленело-исступленный взор той и тех, но их игри-во-целомудренную, томно-мечтательную улыбку – из ранних ноющих загадок. «Заходи, будь как дома!»

Наш Новый год... Круг замкнулся.

А те другие: еще молодая женщина с «еще не состарившейся» девочкой, иногда принимаемые им за ангелов под личиной неунывающих мучениц, что столовались, деликатно выпрашивая вечерний завтрак у MockDoNots, а возможность дневной ночевки – в BredUpCouncil, если чем и досаждавшие окружающим, то разве пикантным одором вынужденной несвежести, источаемый некогда дорогими и вечно зимними одеждами, – простят ли его предательство эти, им не огражденные, воспринимающие и вынужденный подвиг свой как забавную игру ввиду невозможности изменить что-либо «в этом лучшем из миров»? «Nicka» – ровно так обращались они друг ко другу, с плохо скрываемым соревновательным укором, так что в этом обращении-индексе неясно, что превалировало: безразличие ли к будущности, страх ли перед памятью или нерадение о «настоящем»...

Пусть не он автор первоповорота их судьбы, – как общедобно ссылаться на непричастность к миропадению, тем самым обнаруживая двойное лукавство ориенталистов, этих лжеюговосточников, что неизменно советуют не менять ничего, окромя себя (возлюби самсару, на нее, впрочем, не медитируя, дабы за разбором майских дхарм не утратить боддхи), зажевывая это все мясом животных, забитых, разумеется, «не ради них», и тем самым на карме вроде как не сказывающихся – как и на душе следов не напечатлевающих, ибо таковая вроде как иллюзорна.

А в нем – вроде как *есть*. И жаждет, чтоб боль той встречи пребыла с одной – до... *Встречи*.

Которая, уж незнамо как, обязана состояться. Ну, тогда уж – со *всем* преданным, лишенным надежды. В том числе – с престарелой соседкой Яснопольской и ее несчастной, отягощенной тремя высшими и неспособностью ими поделиться, прикованной к одру дочерью. Кажется, первая хотела что-то поручить (кого-то вверить-препоручить), а последняя – подарить «Аэропорт» в английском оригинале? Трогательно. Не успели: апокалиптическая апоплектика извечного «некогда», «сейчас-сейчас»...

До встречи? Ах, как неблизок, всеотдаляем оный день...

Те горемычные – пожалуй, из малой выборки исключений, к коим скорее тянулся как к чему-то более сродному: себе ль, нележкой ли судьбе, что сам себе накликал. В дальнейшем, при подведении итога полупобед-недосвер-

шений, его будет столь же забавлять, сколь и раздражать ироничная статистика: «западали» на него все больше девицы из семейств небедных и дамы того же вышесреднего класса, с «планкой отсечения» повыше егойной. Почти классовые враги. Впрочем, вопреки своему антимещанскому символу веры, – относительно коего спустя годы сочтет гессианство союзным, а вот с эллинскими святоотеческими суждениями о пользе брака с богатой невестой для мужа мысли разойдется, – потщится подвизаться классовым нелицеприятием, задачей куда более многотрудной, нежели ясный антирасизм (опять же, несколько вразрез с духовно-конфессиональной закрытостью да этнокультурным снобизмом, коих нечужды иные от возносящихся и смиряющихся, от нихже непоследняя суть эллинствующия).

Ему не приходилось убеждать себя, что нужна ему не охапка самоутверждения, а одна, Та Самая; да не богатая разукрашка, даже не смазливая стервь (из коих беспроблемно-честных давалок-интеллектуалок больше половины), а просто добрая-разумная душа (доброта без мудрости, врожденная и не требующая преодоления – не доблесть, а скорее блаженство, дар хранимого детства). Разве многое требуется? Ан днем с огнем ведь не сыщешь! Как не искал и второй «матери»: пересечение исчезающе мало. Итак, уймьтесь, унзре Фройдлихе фройнде: запутавшись в своих бесчисленных «Я», утоните уж в бездне бессознательного, куда так рьяно вглядываетесь в поисках дешевой подушной вла-

сти.

Так или иначе, нашему извне-убогому глубоко претила сама возможность использовать кого-либо, а наипаче – женщину, даже в благих целях-намерениях, ради многих и большего. Впрочем, мыслимо ли что более убогое, чем обмещанившиеся рок-звезды и культовые театральные постуры – ныне тени самих себя, бывших властителей дум, некогда сердечных отправлений распорядителей, обернувшиеся банальными певцами меленького-крепенького-тупенького-мамоносмирненького, давнорешенного и всеобще изгреженного? Много ли возвышеннее профессиональных бунтарей: диссидентов-ремесленников, грантососов-кликуш, вымогателей-выбивал для клики посвященных в нравонегодовальщину – всех, презирающих правду-как-основу, как суть должествования реализующего, призывной ответственности свободного служения в противовес похотствующе-подчиняющему властвованию, ненасытно-всесоуженческому правообладанию?

Ах, разве вот это, горько-параноидальное подозрение: звездные ли селебрити, праздные шабера, мещанствующие духом шебарши – видимо *не* разучились не только накоротке общаться (пусть хоть с себе подобными), но и дружить, и даже любить. А он – кажется, разучился. Даже – сродных. А рудимент жажды любви, по-детски непосредственной дружбы в его давно отстраненно-самодостаточном, несколько нарциссичном сердце – не благомечтательность ли?..

Кажется, те могли и хотели даровать друг другу то, что доступно многим и без богатств: *праздник*. Он же, жажда давать многое, не боясь быть «пользуемым», едва способен был поделиться чем-либо: просто *среде* от него ничего не было нужно. Вопрос не в хищности, не в эксплуатации, даже не в безработице для отдельных категорий, а в чем-то гораздо худшем – столь же видимо противном сим, сколь к таким и сходящемся. Тебе предоставляется отдых, праздность, отчуждение без ограбления. Ты волен, подобно многим, торговать причудливыми пустотами, яркой пеной, небезуспешно набивая себе цену. Но ведь не посмеешь: не по робости, ни по гордыне, ниже лоховским игнорированием возможностей. Насильно мил не будешь, навязчиво – не пожелаешь, даже когда твоего присутствия ищут и жаждут, паче опасений. Но перестают желать и даже помнить, когда ненавязчивость твоя переходит в принципиальное неприсутствие, мазохистское самовытеснение, почти призрачную разреженность и внеправедностное, кромесублимативное анахоретствование. Почти на уровне самообреченного признания иных вещей, некоторых присутствий не столько общегреховными, сколько... «слишком хорошими» конкретно для тебя, недостойного. Или доселе не удостоившегося.

Осознание сего нередко вело к желанию исчезнуть, не быть, – чем и поддерживался порочный круг неприсутствия, иррелевантности. Подобно кейсу-профилю фирмы, с чьими непредставленными «решениями» незнакомы ровно

настолько, чтоб не отреагировать возникновением предпочтений и спроса. Впрочем, едва ли подвиг его был настолько кихотски нелеп. Или чист, трагичен, бессмыслен? Поди знай, как разрешается двойственность в кихотстве, кафкаеске, макъявеллизме: много ли искренней, жизненно выстраданной драмы в первых двух, кишит ли цинизмом или упреждающим ужасом оного – последний? Так или иначе, за такие ли подвиги полагается медаль и венец – или же осмеяние тщетных трудов, ломающе-избыточных терзаний, парализующе-ложного смирения с собственной натурой (на фоне видимо горделивого презрения – к *среде*, склонной к *превратному отбору* и *худшему размещению* ресурсов), подобное некомпенсируемо-излишним рискам? А осознавая, что не узнает ответов – не оным ли ведением-неведением (не то пределом, не то началом знания) мучим был паче всякой неопределенности?..

Насмешливым ли роком в лихую годину, промыслом ли во время улученное, уготовано ему будет участь куда как незавидная: невольню харчеваться от материной-теткиной скудных пенсий, запуская руку и в заначку, ранее им для них отложенную. Отчуждение даров в пользу дарителя: экий антипраздник!.. Также в пылу параноидальной самоугнетенности склонен был подозревать, что внимание дам постарше коррелирует с их благоприобретенной состоятельностью – так что разница в возрасте предстает параметризацией функции доходов и капиталов, а не просто индексом времени, од-

новременно обслуживая «уравнение гравитации». Хуже того, даже небедные мамзели помоложе будто бы обнаруживали почти материнский инстинкт, проникаясь сочувствием к нему, обреченному на немилость среды. А его природой предначертана была гибель там, где среда не отличалась ни щедростью, ни сравнимыми достоинствами, ни расположением к нему, ее проницавшему и потому почти презиравшему. Увы, с *этой дамой* – полная взаимность!..

Средства от ригидности времени, или Атавизмы будущего. Благомразь, сиречь Евкакия

Как правило, во всех аналитических морфологиях прошлое слишком установлено, поистине «заморожено», чтоб рационалистический крайнезападный ум мог позволить себе роскошь ностальгирования. Это тем ироничнее, что именно в исторических и историографических науках множественная неопределенность интерпретаций-реализаций сопряжена с запретом на сослагательное наклонение. Разумеется, в отличие от более «устаканенных» наук вроде тех же естественных, славящихся леммами невозможности вроде запрета Паули на нахождение двух одинаковых частиц на одной орбите (при неважности конкретной траектории по Фейнману и неопределимости одновременно скорости и направления по Гейзенбергу), в науках «нечетких» – характеризуемых более сложной материей, как и повышенными требованиями к размеру выборки либо «величине эффекта» ввиду недостаточности критерия статистической значимости – по какому-то халатному недогляду условность перцепций выглядит и вовсе преизбыточной. Мало того, что зачастую довольствуются точечным подходом к изучению событий (в лучшем случае рассматривая *точки* как «кейсы»),

редко где заявлена причинно-следственная канва помимо корреляций либо антецедентности.

Гвидову предстояло еще, спустя годы, открыть к своему изумлению то, как, на фоне ускользания искомого, оно обреталось в ответ на его шутки и неуклюжие каламбуры. Взять хоть, к примеру, его тактику «клея» в уже неюные годы, которая явно нуждалась в смене на фоне знакопеременности эффекта. Так северозападная стратегия, сводящаяся к формуле: «не извлекать уроков, а навлекать на других свои следствия, подымая ставки и тщась компенсировать их безудержным прокатным станом», – неизменно от ограниченного присутствия приводит к широкомасштабному увязанию в собственном дерьме по мере того, как хвост начинает вилять собакой, а игра – выходить из-под контроля, превращаясь в самостоятельного игрока (отнюдь не *chance player*) и своеобразно реагируя на ресурсное наращивание, отчего-то более не обеспечивая монотонной динамики-зависимости успеха. Подобно сему и любовница, испробовав все стратегии, приходит к последней: заставить ревновать, тщась вернуть настоящими изменами и недоумевая: «Как это он еще не понял, кого теряет?!» Наиболее крупный их просчет – Великая революция. Не одобрили буйного роста в 1913—подсунули войну; не одобрили ожидаемых побед – подсунули переворот под благовидными предложениями и по универсальным лекалам. Одного не учли, даже играя вдолгую и разогревая толпу диффамационными мифами: за первы-

ми бесноватыми и бесам (которым суждено было и самим быть скормленными их же ваалу, или, по Достоевскому, подобно свиньям, ринуться в пучину) придут поколения, которым придется разгребать, возводить, преодолевать и побеждать. Северозападники дали всем евромонархиям рухнуть, укрепившись на троне и шатая друг друга подобно кочевым улугбекам с дженибеками, которые поболее сих временщиков ответственность несли. Но далее, оставшись без сильных спарринг-партнеров, деградировали до инфинитезимального прогресса: iGadge X.x – вот их равновесное развитие, если только не высосут мозги с презираемого и строптивного R.O.W., «впарив» ему свою евдаймоническую субстанцию. Напиток же сому полубоги оставят себе, ибо героиневой непобедимости не должно просочиться в мозги и вены тех, кого могут посетить сомнения о полубогах. Остается лишь гадать, помогут ли им бравурно-сумбурные наименования операций-провокаций: «Блистательное единство», «Невообразимая свобода», «Апофеоз решимости» и пр. – эффектная немощь скверномощей, унаследованная от былой мягкомощи.

Если не считать новейшего оружия, коему не одна сотня лет: *благодарие* аудиторий и злоусмотрение пасомых. Последним ясно, что большинству уготована участь корма, индюшки на праздник, сакральной жертвы или планктона для видов с завидным аппетитом. Тем не менее, если рьяно выслуживаться, то есть надежда выйти в дамки: надсмотрщи-

ками при пастбищах и полях, корытах и рабовладельческих артелях.

Итак, *meta-schemata* их просты: нареки нечто неприемлемое «ценой свободы» – и вера в это станет незыблемым условием не только приема в *клуб*, но и неизвержения вон. Напротив, назови нечто убедительное и (потому опасное) «конспирологией», и доверие подобной логике станет достаточным условием строскановости. А желаешь получить требуемый компромат, тычь достаточно долго айгаджетом в лицо обгаживаемого, – и тот докажет своей «неадекватной» реакцией искомую версию, что ему-де есть о чем досадовать.

Вот и Гвидов, не старясь, но теряя *garport* с более юными формациями, нередко ловил себя на том, что общается с... пришельцами, даже «чужими». *Алиенаты* – чем не домен/реалм/штамм масонствующих! Притом те его скорее понимают, чем он – их. Этакий старгейт в уме – или в носфере, едва приоткрытой и то не одинаково в обе стороны. «Да они все для меня на одну морду лица: как сих чад собаки-то со домочадцы дома узнают? И почему, бегая за индивидуальностью, непременно прибегают к мемовости, флешмобовости, униформности, а самовыражение – это все обязательно свобода от грамматики? Да и айфеня их падонкаффско-олбанская не что иное как дань северозападному *marketese* – всем этим штучкам-дрючкам для нижесреднего племса: все эти навязшие *corrupt-cliches* вроде *dunno*, *lil*, *hafta*, *lemme*, *kinda-sorta*, *could of*... Реально, кульно, руль-

но, прикольно, драйвово, хайпово, вызовы-озабоченности – все оттудова. Не стыдно, снобеля чернопятничные?» Хуже того: метархетипы коверканья структур речи, внешне противостоя верности букве, – не купно ли зачала правдоборчества, богоубиения?..

Насколько все в его схемах было просто, настолько склонен был усложнять себе жизнь. Положим, пределом вождений томных девиц стало участие в хоум видео, тогда как болевым порогом для их ухажеров является чужое авторство оных взрослых роликов. Причем те же эстеты, что воспевают «правдивость эмоций», – стесняясь одновременно замечать их фальшь в том, что называется искусством ню, – умудряются не видеть правдивости накала чувств в любительском порно, при этом пожирая сей контент (будто нечто отличное от того, чем сами коротают вечера и дни) подобно тому, как всеядно потребляют сетевуху, брезгуя «ящиком». «Жили вместе...» – в ответ рука так и тянется дать им орден один на двоих. А случится несчастной внезапно пасть диффамационной жертвой нечистого на руку оператора, что выложит их запечатленную «жизнь» куда не следует, но где всеми ожидается, – о, так и вовсе, оправившись от удушья слез, хочется сделать каждую полным кавалером какого-нибудь ордена. Например, ордена Сауны-Хамама, Брачной пятиминутки, Присововерности на одну ночь и т. д.

Но, коли все так просто, прозаично, а вместе и натурально, то отчего не пользоваться всей этой неизбывной доступ-

ностью, почему не предаться сладковатому зуду и эстетичной мерзости, коль скоро «все из одного теста», и законные отношения мало чем отличаются от не вполне законных? Видимо, искал любви – пусть хоть детской, пусть статистически невозможной ввиду низких шансов отыскать половинку в мириадах комбинаций из четырех миллиардов кандидатш и претендентш.

– Эко вы, батенька, глубоко копаете; хотите ли и остальным жизнь испортить? Ждете, что вашему блажению внимать станут, себе-то в убыток?

– Кудыть нам?.. А вы, кстати, не боитесь, что и малые детишки ваши вполне могут теми же доступными-предоступными дарами цивилизации напиться? Через плечо не заглянули – так вроде как ничего и не происходит? Или на априорную их пресыщенность доступностью уповаете? Ну, ясно, что в конце концов все там будут – в браке, то бишь. Вопрос лишь, в какой степени душевной инвалидности довлачат-добредут до финиша. Ведь речь не о зле, а скорее об *опасности* развития малигнантного цинизма в отдельно взятых организмах.

Пожалуй, бывал чересчур жестоковыен к отрокам, коль скоро сам табуировал подтрунивание над детьми. Но тем глупее было забвение им запрета более древнего, а именно – на иронию в адрес дам, пусть и ретушируемую под собственное нарциссичное занудствование.

– Девушки, если хоть немного любите ближнего и дальне-

го, не худейте; а возлюбили себя (как нынче трендово и натурно) – так не носите очков-заучек.

– Дядя типа просто троллоло или зачекинился удачно? Можешь говорить нормально – анорексия не дислексия. Чем тебя поддоставали очки или чего достебался до эмиков-анемиков? Только с анэмодзи не перенапряги.

– Расचेкинусь, с вашего позволения, чуть позже. А пока дайте чуточку понедоумевать и понеистовствовать там, где у вас принято отблагоговеть по полной. Для начала, как это у вас выходит – те же, что стебуются с мимимимема #ядевочка, исходят слезами и кирпичами по #митушкам? Плакать, мол, не хочу – только провоцировать; думать незачем, главное – гавкать, попутно мешая думающим. Ящик типа зло, уж лучше догнаться утубушным дерьмом, заодно часами внемля фейкбучным набросам и напитываясь твистеровским контентом для самоизбранных – тех, что образуют референт-группу из себя, для и себе подобных. Воровато-продажные хитрованы, готовые протестовать против ДеГаллов и давать не только в зачетке, по совместительству паля распил бюджетов; клеймить коррупцию, подхоямчивая, улайкивая и накручивая рекомменды западному лоббизму.

– Дадь! Чувак, сам-то не в измененке? Кто тебе сказал, что мы на все это готовы? Ты реально не догоняешь, что все это – *по приколу*, типа «включаем» оскорбленные чувства неверующих, ну или верующих на своей волне. Это все для пользы дела. Тут вообще *неважно* ни разу, во что мы реаль-

но верим. Так что там у тебя с твоими акциями по компенсациям? Че там со скидками на похудение для худышек?

– Ребята, а это ничего, что я не с вами говорил (да и удаленно, если не заочно)? Теперь вы, дзэушки, не поймите превратно! Хотя уже поняли... Не о той *компенсации* речь. Если верить закону сохранения (а чему еще верить остается, когда все на наших глазах переходит в энтропийное дерьмо?), то ежели где убыло, то инуде прибудет; и кто если где похудел, то иной кто обречен потолстеть. Не гуглите за пищевую пирамиду, просто на рынок выброшено столько-то корму, так что не один сожрет, так другой – если вкороткую, когда спрос совокупный еще не снял сахар и баги с предложения. Также и окуляры: не пытайтесь сигналить, что у вас полно внутри – скорее всем становится понятно, что наружное компенсирует недостаток нутряного. Как-то так. А, еще – вы тоже эмодзи попроще на фасад выбирайте: с каменно-бронзовелыми даже аноректички в очочках вряд ли нарастят шансы оказаться на уберовых подиумах вместо кого-то еще. Без комбинаций и вариантов – хоть по бернуллям зацени, хоть по эйлеровской бете.

– А тебе, чел, твои подначки тоже шансов как бы не нарастят – во всяком случае, не с нами и не на этом левеле.

– Осталось добавить вдогонку это ваше #этоваше_ноэто-неточно. А чтоб точнее было, реже стримьте селфи-высерами и чаще тренируйте эмпатическую интроспекцию, ребята-блогерята отряда *iphoney*/продвинутофальшивых.

– Тебе-то помогло? Старгейт наш хакнул, сталкер? Вот ты тут гаджетами страшал, селфиться тебя ломает и все такое. Какбэ в твои-то годы еще и «язычок» делать! Хотя фейсом еще поработать можно... Так вот, а чем ваши патриотические позы и закидоны не *экспозиционизм*?

– Ageismus такого-то левела для iGismos? Ну, от частого и поверхностного повторения всякий смысл утрачивается, все в мантру вырождается. Но этот род патриотизма – как раз скорее по вашей части. Это не только Груненковы и прочие записные, но и конформизм, который не бывает «ваш» или «наш». А вот прочие ваши предьявы... м-да, многое запущено. Неужели в престижном аду так много патриотов? Столько желающих быть мразями и оправдывать мразь ради победы и процветания этого самого ада, который будто лучше рая...

Самое обидное – он все это понимал. Как ведал и искусством очаровывать. Владел – и не пользовался, поскольку полагал жутко неспортивным всякий манипуляж. (Назовем это *помаванием* бровями, – пусть даже лавинньгнгнгневско-брежневской выразительности, – а хоть и помаванием характеристическими точками; доказательная база подобными словесными экспериментами лишь усиливалась). А, кроме того, иногда позволял себе каламбуры на пределе модуля нервной эластичности, на грани непрохождения теста свой-чужой, шиболета отношений. Странно было видеть это

от человека *вчувственно* чужую боль острее своей. Но когда видел претензию, раздутую до нелепости (говенные массы, выдаваемые за истечение-растекание мыслью), то не мог отказать себе в удовольствии гасить оную спесь смиряющими упражнениями. Порой разил не по адресу, что выдавало порок мудрости...

Понимал и то, что – опять же, по меркам модных душеведов, усвоивших из пожатных букварей все эти «комплексы вины и жертвы» – все более возрастал в брюзжании. Но это, если и функция времени (рефлексия над накопленными наблюдениями), то – отнюдь не возраста. Ведь памятны эпохи, когда старческий максимализм еще не соседствовал с юношеским минимализмом, а альтернативой последнему не составляла извращенная левизна в виде движухи хейтеров против хейтинга – а именно, всего того, что не монтируется с их представлениями и референтными фреймами. Коль скоро их хейтинг есть не что иное, как эманация любви, то зачем отказывать остальным, пусть и «задаунгрейденным» (с их-то всезияющей высоты) магглам, в праве и основаниях на критику, пересмотр, сравнение, протест?

Это все требовало вглядывания, вчувствования, прыжка *над собой – к себе*. Ведь, помимо реющих давно трендов и снующих меж ними тренд-сеттеров (работа, видимо обратная к разгону облаков), над всем *зияла пестрота*, охватившая уже не только политический спектр и не столько салонное вольнодумство, сколько самые критерии. Уж с десятков

лет как требовалось «не думать, а действовать, исходя из верований и ценностей». Хватит-де искать истину: положив, что все мы знаем, в чем она заключается, предстоит переориентировать институтские программы на поиск практических ходов с прицелом на институциональные переходы. А именно, как действовать в согласии со своим и что сделать с теми, кто имеет иное мнение и, тем самым, «своим» считаться не может. Иными словами, гидра демократии начала кусать свой хвост и наступать на горло своей песни о главном. Отдушиной стало увеличение нетто-экспорта, т.е. исключение фидбека и культурных обменов.

Шатан как Интернет-УнтерНет

Его перо подкупает ненавязчивой избыточностью природных подробностей, и в сем уподоблении Бредбери – его правдивость. А растущая внешняя схожесть с ПроЛепом и вовсе свидетельствует: не безнадега.

Но не дай вам, не приведи встретиться на страницах остальной шумерочерняховской прессы с бурятом, идущим в бой с полным комплектом документов и призывающим сойти с поребрика. Еще немного – и писателя миновала бы сия горькая чаша: подражать публицистам таймсов в лицах. Но довольно с него и того подвига, что не шибко осудил Ли-сеичей, как не весьма пылко оттянул мазу и за Гейнсов с Пестерами.

Это предприятие назревало давно, и се перезрело. Но миссия, так сказать, невыполнена, хоть и перевыполнима. Речь идет о нескончаемом плаче ярославен в вышиванках крестиком да свастикой о том, что Юговосток страдает-де неукорененностью и неприкаянностью. Где-то нечто подобное, кажется, имело место – вроде в «Степном волке» Гессе, где всяк предостерегающий о горьких гроздьях войны на фоне патриотической истерии рисковал остаться заклеянным остракизмами вроде «этот космополит и безродный негодяй». Памятны и письма 93х (подписанные девятьюстами) рейхсинтеллектуалов, взывавших к эстетическим чув-

ствам всех, кому дороги «европейские ценности», кто чтит Шиллера и Шопенгауэра, кто готов пролить слезу над доблестными велегерманскими солдатами, ставшими последним оплотом на пути всепроницающего варварства, грядущего с востока. Возможно, в подобных тонах (и жутко добросовестном пафосе) наставляли и Аристотель с Сенекой, соответственно, Александра Великого и Нерона... Подобным образом мог мыслить и душка ЛинкХоун, расписывавшийся в *безразличии* к эмансипации или рабству как в лучшем случае *средствам*, могшим сохранить Унион. Разумеется, не перебирая и более пикантными средствами вроде голодных блокад, тщательно скрывая от самих себя ревность к успеху нархоза Южан, в частности их торговли со Старым светом. Подобно тому, как Северяне вуалировали прагматичную (реверанс Дьюи) повестку благоглупостями о свободе (во имя коей всякое-де изуверство достойно есть), игнорируя рабство-работу рынку (как форму идольских жертв мамоне); этак расистская пестросерь издавна приноровилась прикрываться гениями.

Неважно, что Бог сам весть, коемуждо народу и егда слать оных (не всенепременно по заслугам), притом что сами адвокаты махрового расизма являют творческую скудость на фоне заявленного родства с великими предками. Главное – указать на лишения вопреки несомненным достижениям. Так сказать, пуститься во все тяжкие с голодухи, да ввиду боренья духа. Впрочем, по нынешним време-

нам «довлеет дневи злобы своя»: все ограничивается повесткой *relative deprivation*, то бишь, сравнительными притязаниями или попросту «жабой» относительно раздутых амбиций или навязанных представлений о справедливости. В этой связи ближневосточные «весны» раскошегариваются скорее с жиру – как и восточноевропейские «площади», в ходе коих манипулирование собаками Павлова (которые не прочь побыть таковыми ради победы клуба) мало чем отличаются от биржевых манипуляций, пирамидальных Понци-схем и форекс-риггинга: пересмотреть результаты голосования-продаж на основаниях свежераззадоренных аппетитов.

Можно было сочувствовать «велегерманской нации»: этак обгадиться могли многие, сравнившие достижения лучших с амбициями худших. Многие ли знали, что сомнительный подвиг репутационной жертвенности было уготовано повторить еще одному древлеарийскому племени, жажда-воля-похоть к власти-возвышению коего (по Ницше) реализовывалась в банальном перевесе тезоименитого клуба. Подобная рекурсия – как и всякий «пирамидальный» контур обрушения, – как условились выше, не должен пугать аудиторию. Особенно ту, что является референтной группой для самой себя, и расходным материалом – для их непосредственных, как и удаленных, фюреров. Которые, как водится, обожают и мучеников, и фанатиков, и пыточных дел мастеров. В аду свои патриоты – как и свои понятия о славе, приносимой

иконными героями. И буде слава сия неотличима от репутационных издержек, то да устыдится-де всяк отвращающийся подобных идеалов (или КРП).

Да вот хотя бы как Юго-Восток. Взор, помутненный вирусом либо осколком льда, судит: рабы сии суть безумцы и тем уж повинны смерти. Не поддержав ража, не разделив ликования, предстали низшими. О, кабы только от маргиналов с психикой, расстроенной онлайн-сессиями да бдениями великопостников (то есть, «постящих» обильно и малоаппетитно), слышал он визгливое, подкрепленное аргументацией в виде искаженного злобой того, что недавно называлось интеллигентным лицом в актуальненьком обрамлении (мода модой, а необремененность рефлексией установилась императивом): «Нет, ты не понимаешь! Они *все* там дауны, недоумки, недоразвитые, дефективный биоматериал – их надо проволокой огородить, а само гетто предать очищающему Площадному пламени!» Но ровно то же услышал от Дмухарского – в недавнем прошлом *аггела*, почти мудреца, души столь же эстетской, сколь и не чуждой юмора народного, международного и даже междугородного. Этой честной натуре всегда была присуща сдвоенная крайность: девственно-маловзыскательная вера как в демократию (пусть манипулябельную), так и искусственный интеллект (даже пополам с креокретинизмом). А поскольку зарождавшиеся соцсети воплощали победу обеих (свободы слова – над роскошной необходимостью мыслить, выхолощенной креатив-

ности – над творческой склонностью как самоедской ответственностью за плоды), то стоит ли дивиться скорому воцарению Площади умами-сердцами вперед ее пламени – пожалуй, менее реального и исторически значимого, чем самопредусуществленная *eideia fixe*.

Медлят, мол, присягать-кориться сильному-тираничному (но самоподверженному экзистенциальным рискам) гегемону, хозяину себяизбравого салона, посему – рабы! Не определяются *относительно* (притом *против*), не носят *диссоциативных* идентичностей – се, низшие. Ищут пребыть собой – ergo непростыжны. Усматривают в категоричной деспотии самой идеи рыночной демократии некое противоречие (неавтоморфность как мета-изнанка оксюморонности), а в безальтернативности конкретно северозападной (Protestant Judaeo-Christian) версии – *институциональный расизм*; экое бесхитростно-убогое упрощенчество! Наконец – о ужас! – не спешат признавать высшей ценности *самореферентного* отсыла к наилучшему-из-миров и гетто-нахолме, а в культурных репрессиях («поездах дружбы» и прочих просветительских миссиях) узревают признаки геноцида; тем, дескать, скорее соделываются достойными оного (как *суирекуррентной* изнанки)!

Юговосток вечно жалуется на недопонятость – но онаде ровно *зеркально-симметрична* его нежеланию понимать, слышать. Вот что пытаются донести ему герои, поэты, диаспоры и прочие австрийские генштабы. А он все – о фа-

шизме... Сколько можно твердить: *среди* нас фашистов, мол, нет – мы *все*... призываем к сознательности. Вот и «провидный» (пусть клеветают злопыхатели, будто это – купно с «нацией понад усе» – не более как калька с немецкого) призвал лгать аутсайдерам и растлевать меньшинские интеллигенции в их же наилучших интересах – а также с целью культивирования сочувствия к нашему пути. (В канадском оригинале и контексте исследований: «To subvert the minority intelligentsias so as to garner sympathy for our cause»).

Так вот, в подобном же ключе и наилучших побуждениях наваял Шатан – отщепенец востока и мост с запада на запад – свой «Интернат-УнтерНет». Мораль: восток инертен и непастионарен, неукоренен и оттого отчужден. Все герои характерно апатичны. Это и не прот-, и не антагонисты, а – позволим себе домыслить за автора (памятуя зде-опущенный посул о выводах, что ему суждено сделать из своих же слов) — *анагонисты*, что ли. Надо думать, автору хотелось бы в это вложить укор в имманентной и даже эндемичной апатии, этакой причудливой аполитичности, что имела своей ироничной изнанкой оппортунизм анти-Площадного пошибу. В самом деле, это же так просто: чего это мы, запад, должны за них впахиваться? Нет чтоб самим взять да выгнать террористов, сепаров... и себя самих – «изжить из себя себя». Ну, стать собой, перестав быть «не тем» собой. Одним словом, Восток, хватит предавать BundEhr-BondEur-PundArya, *iWasca*/избран-

носвязанность и романо-германские ценности (присягу коим тебе еще предстоит принести, и помогут тебе в том, разумеется, неоязычники – родноверы, добробаты и прочий цвет вика-викарианства-поттерьянства-арианства).

Тебе, Восток, еще предстоит-де вкусить плодов мудрости, если боишься гроздьев гнева. Понять, как непросто учить патриотизму за тысячи миль вдали от родины (то есть, в эпицентре западных ценностей – на Западе). Оценить квинт-эссенцию мысли Андмуховичей, призывающих (процитируем без купюр и ущерба смыслу) буквально «наводнить собой Европу», чтоб сей *fait accompli* стал для них достаточным пердимоноклем, имеющим подтолкнуть их к предоставлению нам вожделенного членства. Воспевая членство как устремление, своего рода эйдос (реализуемый в начальных формах, как-то гастарбайтерство и задомытие ввиду неиссякаемости спроса на соответствующий сервис в дряхлеющих средостениях), не стоит забывать центральную теорему диалектики патриотизма: идеал патриота – урвать в забугорье, а оттуда мешать «врагам» (/инако/мыслящим) отстраивать «нацию» (клуб тако-чтущих). Отсюда, всякие эксцессы исполнителя тонут в сравнении с высокой целью, так что ни коррупция, ни озорства добробатов (чья «гуманитарная» миссия сопряжена с именованием их «заложниками» в случае пленения) не должны смущать ни адептов, ни гуру подобной Диалектики 101, дихотомии восхождения к небесам сотен (тем!), эктомии царства «воинов света».

Что же до вышеупоминаемого опуса дражайшего Шатана (который позже снизошел до распространения «неукоренности» и на материковую часть патриотического глобуса, или атласа вселенной), то остается пожелать ему дальнейшего диалектического просветления, будь то в части отыскания корней апатии (режим военно-блокадной подвешенности – чем не пыточная?) или же обретения более убедительных оснований для синдрома «никого не жаль». В последний верится с трудом: все же автор умудряется вызвать сочувствие ко всем персонажам, причем капитанов сознательности (или оппонентов апатирования) по непостижимой иронии выставляет несимпатичными, малоубедительными и едва ли способными вдохновить на перемену сознания (сверх измененных состояний, в коих сами склонны временно пребывать). Животных у него тем жальче, что и людей нарекает животными прозвищами («игуана», «хамелеон»), причем на фоне явно очеловеченных образов первых (жалостливые собаки и бдительные голуби). Он не ненавидит «апатичных» Павлуш и не воспевает самовозгонку Гейнсов. Скорее – тех и этих (всех) использует. Прагматично задействует для пользы дела. Подобно Пречестному Эйбу, сквозь манжетные куртуазности провозглашавшего генеральную линию и пролагавшего маршрут для котла и ледокола демократии.

Шатан... *он и есть Интернет-УинтерНет*. Тем жальче их всех – особенно в диссонансе с его искусственным, приклеенным к сюжетной линии, диссонансным же лейтмотивом:

«никого не жаль!» Впрочем (обнадежим прогнозом при ста-
бильно подвешенном статусе в стиле жуликоватых рейтин-
говых агентств и прочих гадален), сей сдержанно-пессими-
стичный рейтинг не без outlook на становление чем-то боль-
шим в смысле категорий спецшкол и мастерских.

Астанинские стихи

Эта земля всегда служила не столько полем брани к банальной территориальной экспансии, сколько сакральным футбольным мячом. Ибо, помимо ресурсов вроде жирных черноземов да дешевой рабсилы, речь шла о тектоническом разломе и цивилизационных столкновениях. Начиная с Папы Льва, ничтоже сумняшеся выписывавшего индульгенции-фетвы на крестовый поход супротив восточных славян, что (давно ль?) оказались «язычниками и еретиками», всякое злоупотребление против нелояльных было дозволено – и проблемой было разве что подогнать благовидный предлог под дальновидные планы. В ловких руках грозным оружием и непререкаемым критерием могут стать и такие гибкие максимы, как «чистому все чисто» и «вся дозволена – не вся на потребу». Толкуй произвольно – действуй без оглядки на кривотолки, ибо «всяк озирающийся неблагонадежен». Нареки икс «свободой» – и не оставляй игреком камня на камне ради свободы, притом в первую очередь там, где осмелятся иметь иные мнения об этой самой свободе. Так или иначе, *democrisy* (democratic hypocrisy) потерпит всякую гибкость толкований, но не вопросы в свой адрес! Разумеется, то же касается постмодерновой парадигмы, не спешащей самое себя поставить в ряд произвольных нарративов, равных среди равных и притязающих разве что на относитель-

ную истинность в промежуточном забеге.

Как у всякого подляшного, совесть Дмухарского боролась меж амбициями неограниченной имперской экспансии и необходимостью придать ей хоть видимость *ecclesia universalis*, или совета не совсем нечестивых. Кроме русских коллаборационтов и даже фюреров инородного националиста вроде Содмецова (опиравшихся, в отличие от люда посполитого, скорее на некогда модные и условно-научные расовые спекуляции, нежели на чисто русское прекраснотушение, в превратной модальности эксплуатируемое), о судьбах «свидомитскости» более всего радели (сейчас будет немного сакраментально) провербиальный /g/astro-hungry генштаб да полонские освободители. Из тех, что не копейничают в части конфликта интересов, исполняя унию с искренними планами креолизации во благо спасаемых. Если откровенно шляхетские имена пастырей-кардиналов восходят к генезису унии, когда компромисс был скорее средством от верной гибели, геноцида (на фоне правопораженности неизменно про-московски расположенных православных западных земель), то подчеркивание аутентичности «позднепростой мовы» (якобы более живой, чем – письменной общерусской) навывкло стыдливо умалчивать корни всех этих шероховатостей-отличий, густо пересыпанных полонизмами-германизмами, которые впоследствии подлежали дальнейшей систематизации по якобы автохтонным образцам-породам. Целью было, разумеется, подчеркнуть отличие суржиковых

новонаслоений от общерусских паттернов, когда, к примеру «робитиму» (робити йму, т.е. должен буду сделать или сделаю) не то кроет, не то выпячивает «арийские» концы (sollen/shall/sceall). Наконец, как младокоренизаторы вроде Почуй-Правицкого порой поражались, с какого дуба обрушивались на них новообразования вроде «трымати» (коих полонизмов не знавала и условно-живая проста мова/мьлва), так и систематизаторам купно с продвинутыми юзерами да знатными алфавитных дел экспериментаторами вроде, соответственно, Спол-Штатского и Бранко в голову не приходило заменить автохтонные индексы вроде «руськи женщины» известными новоделами. Впрочем, воинствующие реформаторы всегда держат козырь в рукаве: апеллирование к креативной гибкости, перенниальной живости новотканного языка, замахающегося и не на такие заявки (как и на агрессивную отповедь хульникам-маловеерам).

В подобных условиях, разумеется, в воздухе ненавязчиво нависает вопрос: имеют ли оные инакомыслящие право хотя бы не примыкать к элитарному клубу энтузиастов апокрифического жанра?

Разумеется, ответ уже готов, причем здесь оба заклятых друга (привыкшие #дружитьпротив и #любитьгеополитицки) поют в унисон: всякое уклонение от про-крайнезападного идеала свободы («кайдан незалежности» и концлагеря единомышленников) будет нещадно караться самой свободой, как и «незримой рукой» рынка. Расхождения могут

возникнуть на этапе внутритроалиционных прений («милые бранятся») относительно того, кто худший «зрадник» (изменник) в очах почившего-неуспокоенного BundEhr: поляне или кривичи? Шляхта, как филиал западных заклинателей змей, вовсе не против пользования подрывниками всех мастей, служащих вольно или невольно благим целям клуба самозваноизбранных, пока те не норовят в забытьи проталкивать свой круг и своих монструозных идиолов яко достопоклоняемых и абсолютно (а не временно) рукопожатных. Юнионистские легаты новых дней (радикально решив кадровую проблему былых веков прямой заменой продажных пьяниц из местных на засланных) могут являть интеллектуальную невзыскательность или презрение к аудитории пасомых, среди прочих заявляя, будто улица Руська в Чарнграде названа в печальное памятование прохода «некультурных полчищ донских казаков», не одобрявших отказа в харчах. Юнионисты из местных могут то ненавидеть Рим паче дейешивских шайтан-шахидов (также успешно торгующих с «Румом» собирательным), то питать историческое презрение к шляхте. Но межгеттово столь люто не одобряют Москвы (ревнуя к былому имперскому соперничеству и победе фотофинишем), что готовы лобзать друг друга, потявкивая на староевропейцев.

Надо сказать, и здесь те и другие остаются верными подмастерьями Рейхсвиссеншафт, ибо помимо расовой теории «индогерманскости» научились и известной гибкости в ее

правоприменении. Ведь только наивные тщатся отыскать у Шикльгрубера сколь-нибудь более «высеченного в граните» расизма с человеческим лицом, нежели встречаем у подавляющего большинства континентальных и островных светочей мысли (где Руссо стоит едва ли не нелепым особняком). Ибо как еще разрешить дилемму исконоарийскости тех же славян и балтославян на фоне снисходительного к ним отношения жителей Рейха, которые сами на треть славяне, на четверть кельты, а на остаток – эклектичная diversity? Ну, право, не вменением же им тюркского или финно-угорского вкрапления в недостаток, с одновременным поставлением эстов и финнов ступенькой повыше? Остается одно: *расизм институциональный* либо *развитийный* (едва чем отличный от современного северозападного глобалистского катка).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.